

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ**

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 24/2023

г. Донецк 2023

**Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Донбасская юридическая академия»**

ВЕСТНИК

ДОНБАССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Юридические науки

**Научный журнал
№ 24 / 2023**

Выходит 4 раза в год. Издаётся с 2016 г.

**Донецк
ДЮА
2023**

УДК 34

Главный редактор

Заместитель

главного редактора

Ответственный редактор

Ответственный секретарь

Редакционная коллегия:

Н. В. Барбашова, д-р юр. наук, профессор (*Донецкий национальный университет*)

А.И. Левченков, д-р юр. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права (*Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, г. Луганск*)

Я. В. Полякова, канд. пед. наук, профессор кафедры лингвистики (*Донбасская юридическая академия*)

А. Г. Иванов, канд. экон. наук (*Донбасская юридическая академия*)

Г. Н. Гапотченко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*), Р. Х. Гиззатуллин,

д-р юр. наук (*Башкирский государственный университет, г. Уфа*), В. В. Груздев,

д-р юр. наук (*Костромской государственный университет, г. Кострома*),

С. Х. Джиоев, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*),

О. Г. Дьяконова, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*),

В. С. Елисеев, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*),

В. И. Козюберда, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

В. А. Комаров, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*), С. В. Лихачев,

д-р юр. наук (*Курский государственный университет, г. Курск*), А. А. Лукьянцев,

д-р юр. наук (*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону*), О. А. Малышева,

д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*),

С. Ю. Мироненко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

А. М. Моисеев, д-р юр. наук (*Донбасская юридическая академия*), А. А. Николаев,

канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*), Э. С. Навасардова,

д-р юр. наук (*Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь*), Т. И. Отческа,

д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*),

П. И. Павленко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

А. Н. Першин, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*),

А. А. Савченко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

В. Г. Севка, д-р экон. наук (*Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, г. Макеевка*),

А. А. Ситник, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*),

Л. Б. Смирнов, д-р юр. наук (*Северо-Западный институт управления – филиал РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург*),

Ю. В. Степаненко, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*)

Журнал зарегистрирован

в Научной Электронной библиотеке (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) (лицензионный договор № 596-11/2016 от 10 ноября 2016 г.); в Министерстве информации ДНР. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – Серия ААА № 000169 от 14.11.2017 г.

Внесен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Приказом МОН ДНР от 08.05.2018 г. № 433

Основатель и издатель

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасская юридическая академия», г. Донецк.

Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасской юридической академии,

протокол от 29.03.2023 г. № 10

Язык публикации: русский, английский.

Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.

Адрес редакции:

ул. Лебединского, д. 9, г. Донецк, 283049

e-mail: Vestnik.DLA@yandex.ru

Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов. – Вып. 24. – Донецк: ДЮА, 2023. – 109 с. – («Юридические науки»).

© Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасская юридическая академия», 2023

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatelnoe uchrejdenie
vyshego obrazovaniya
«Donbasskaya yuridicheskaya akademiya»**

VESTNIK

DONBASSKOY YURIDICHESKOY AKADEMII

Yuridicheskiye nauki

Nauchnyi Zhurnal

№ 24 / 2023

Vykhodyt 4 raza v god. Izdaetsia s 2016 g.

**Donetsk
DYA
2023**

UDK 34

- Editor-in-chief N.V. Barbashova, Advanced Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Donetsk National University*)
- Deputy editors-in-chief A.I. Levchenkov, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law (*Lugansk Academy of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Lugansk*)
- Executive secretary I.V. Poliakova, PhD in Pedagogy, Professor of the Department of Linguistics (*Donbass Law Academy*)
- Executive secretary: A.G. Ivanov, Cand. of Economical Sciences (*Donbass Law Academy*)
- Editorial board: G.N. Gapotchenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), R.H. Gizzatullin, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Bashkir State University, Ufa*), V.V. Gruzdev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kostroma State University, Kostroma*), S. Kh. Dzhioev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), O.G. Dyakonova, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), V.S. Eliseev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), V.I. Kozyuberda, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V.A. Komarov, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), S.V. Likhachev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kursk State University, Kursk*), A.A. Lukyantsev, Doctor of Juridical Sciences (*Southern Federal University, Rostov-on-Don*), O.A. Malysheva, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), S.Yu. Mironenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), A.M. Moiseev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), A.A. Nikolaev, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), E.S. Navasardova, Doctor of Juridical Sciences (*North Caucasus Federal University, Stavropol*), T.I. Otcheskaia, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), P.I. Pavlenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), A.N. Pershin, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), A.A. Savchenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V.G. Sevka, Advanced Doctor of Economical Sciences (*Donbass National Academy of construction and architecture, Makeevka*), A.A. Sitnik, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), L.B. Smirnov, Doctor of Juridical Sciences (*North-Western Institute of Management Branch of RANH and GS, St. Petersburg*), Iu.V. Stepanenko, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*)
- The journal is registered Of the Scientific Electronic Library (SEL) – the chief executive of the project on determining Russian Science Citation Index (RSCI) (license agreement № 596-11/2016 of November 10, 2016).
In Ministry of information of DPR. Testifying to registration of means of mass information is Series of AAA № 000169 dated 14.11.2017.
Included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for obtaining the scientific degree of the candidate of sciences should be published, for the academic degree of the Doctor of Sciences Order of the Ministry of Education and Science of the DPR dated 08.05.2018 No.433.
- Founder and Publisher State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Donbass Law Academy»
Recommended for publishing by Academic Board of Donbass Law Academy.
The Minute № 10 dated 29.03.2023.
Language of publication: Russian, English
All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the permission of the author and publisher
- Address of editor office: 9, Lebedinsky Street, Donetsk, 283049
e-mail: Vestnik.DLA@yandex.ru
- Herald of Donbass Law Academy: collection of scientific papers. – Issue 24. – Donetsk: DLA, 2023. – 109 p. – («Juridical science» series).

© State Budgetary Educational Establishment of Higher Education
«Donbass Law Academy», 2023

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials

СОДЕРЖАНИЕ

Бордюгов Л.Г., Рубцова И.В.

Следственный эксперимент и его тактические особенности при расследовании наезда на пешехода в сложных метеорологических условиях.. 7

Гапотченко Г.Н.

Информация подразделений государственных органов, уполномоченных на проведение оперативно-розыскной деятельности как повод для начала уголовного судопроизводства..... 17

Кашпер А.А.

Характеристика уголовно-правовой нормы, предусматривающей освобождение лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием..... 26

Мироненко Н.С.

Основные направления предупреждения насильственной преступности органами внутренних дел..... 36

Мироненко С.Ю.

Зарождение и эволюция законов и обычаев войны..... 45

Несвитайло Н.Л., Несвитайло В.М.

Проблемы реализации уголовной ответственности за экстремистскую деятельность..... 55

Павленко П.И.

Исторические аспекты деформации правосознания в России..... 65

Подмаркова И.П.

Значение информационных технологий в процессе профессиональной подготовки будущих юристов..... 75

Руденко П.В.

Особенности правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев: сравнительно-правовой анализ..... 84

Сенин Ю.А.

К вопросу о значении толкования норм права в механизме преодоления пробелов в современном законодательстве..... 93

Церковникова Ю.В.

Уголовная и административная ответственность за нарушение законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: вопросы разграничения..... 101

CONTENTS

Bordyugov, L.G., Rubtsova, I.V. Investigatory experiment and its tactical peculiarities during the investigation of a collision on a pedestrian in difficult meteorological conditions.....	7
Gapotchenko, G.N. Information of the departments of state bodies authorized to conduct operational investigative activities as a reason to start criminal proceedings.....	17
Kashper, A.A. Characteristics of the criminal law norm providing for the release of a person from criminal liability in connection with active repentance.....	26
Mironenko, N.S. The main directions of prevention of violent crime by internal affairs bodies.....	37
Mironenko, S.Yu. The origin and evolution of the laws and customs of war.....	45
Nesvitaylo, N.L., Nesvitaylo, V.M. Problems of implementation of criminal responsibility for extremist activity.....	56
Pavlenko, P.I. Historical aspects of the deformation of legal consciousness in Russia.....	65
Podmarkova, I.P. The significance of information technologies in the process of professional training of future lawyers.....	75
Rudenko, P.V. Features of the legal status of refugees and forced settlements: a comparative legal analysis.....	85
Senin, Yu.A. On the question of the meaning of the interpretation of the norms of law in the mechanism of overcoming gaps in modern legislation.....	93
Tserkovnikova, Yu.V. Criminal and administrative liability for violation of the legislation on the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs: questions of differentiation.....	102

УДК 343.98

Л.Г. Бордюгов, канд. юрид. наук, профессор, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: Leonidbrd@yandex.ru)

И.В. Рубцова, аспирант, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: riv81@bk.ru)

СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ЕГО ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАЕЗДА НА ПЕШЕХОДА В СЛОЖНЫХ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена проблемным вопросам проведения следственного эксперимента в ходе расследования уголовных дел по фактам дорожно-транспортных происшествий. Освещены вопросы организации проведения следственного эксперимента в процессе расследования наездов на пешеходов.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, наезд на пешехода, следственный эксперимент, тактика проведения, судебная экспертиза.

Bordyugov, L.G.,

Rubtsova, I.V.

INVESTIGATORY EXPERIMENT AND ITS TACTICAL PECULIARITIES DURING THE INVESTIGATION OF A COLLISION ON A PEDESTRIAN IN DIFFICULT METEOROLOGICAL CONDITIONS

The article is devoted to the problematic issues of conducting an investigative experiment in the course of the investigation of criminal cases on the facts of road accidents. The issues of organizing an investigative experiment in the process of investigating collisions with pedestrians are highlighted.

Key words: traffic accident, collision with a pedestrian, investigative experiment, tactics, forensic examination.

Актуальность темы исследования. Дорожно-транспортное происшествие – это событие, нарушающее нормальный ход процесса дорожного движения. Оно возникает в результате потери способности управлять транспортным средством или вследствие неправильных действий участников дорожного движения и сопровождается гибелью, ранением людей, причинением материального ущерба.

Статьей 264 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

В 2020 году в Российской Федерации таких преступлений зарегистрировано 18629 [19, с. 36], в 2021 году – 18217 [20, с. 8], за 11 месяцев 2022 года – 16056 [21, с. 8]. Из приведенных статистических данных следует, что в последние годы наблюдается снижение количества преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, хотя в целом их количество остается еще достаточно высоким.

В процессе расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, практически всегда возникает необходимость в проведении следственных экспериментов для установления или проверки тех или иных данных, которые в последующем будут необходимы в качестве исходных данных для проведения судебно-автотехнических экспертиз по исследованию обстоятельств ДТП [14].

Однако вопросам проведения следственного эксперимента при расследовании наездов на пешеходов в специальной литературе уделяется недостаточно внимания. В настоящее время следственный эксперимент при расследовании наездов на пешеходов остается малоисследованным следственным действием как с точки зрения тактики его проведения, так и с процессуальной стороны, что негативно сказывается в целом на методике расследования преступлений, связанных с наездами на пешеходов.

Вышеизложенное свидетельствует об актуальности выбранной темы исследования и о необходимости дальнейшего изучения и анализа указанных вопросов.

Анализ научных исследований показывает, что данные вопросы теории и практики следственного эксперимента освещались еще более полувека назад в работах таких отечественных ученых, как Л.Е. Ароцкер [3], Р.С. Белкин [5], Н.И. Гуковская [8]. Не обошли вниманием данный вопрос и современные исследователи [12; 16; 18]. Однако ряд вопросов, касающихся тактики проведения следственных экспериментов при расследовании наездов на пешехода, остался за пределами их внимания.

Целью статьи является анализ тактических основ проведения следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных происшествий, связанных с наездами на пешеходов.

Изложение основного материала. По мнению некоторых ученых, история следственного эксперимента начинается с 1779 года, когда были отмечены случаи его производства в ходе расследования фальшивомонетничества [13, с. 260]. Термин «следственный эксперимент» в отечественной криминалистической литературе впервые упоминается в 1929 году в книге одного из пионеров отечественной криминалистики В.И. Громова «Методика расследования преступлений. Руководство для органов милиции и уголовного розыска» [7]. При этом под следственным экспериментом он понимал проведение опознания «в том месте и в той обстановке, где было совершено преступление». В те годы вопросы теории, содержания понятия следственного эксперимента не разрабатывались. Советский ученый П.И. Тарасов-Родионов в 1936 году на учебной конференции следователей в прокуратуре СССР впервые сформулировал вопросы процессуальной природы и тактики проведения следственного эксперимента, определив его как «тактический прием расследования» [22]. Впоследствии вопросам тактики проведения следственного эксперимента уделялось все большее внимание, а в

учебниках по криминалистике появились главы, посвященные следственному эксперименту, были изданы отдельные пособия для следователей.

Лишь в 50-х годах прошлого столетия появились работы отечественных ученых, которые внесли весомый вклад в разработку теоретических и практических вопросов следственного эксперимента [3; 5].

Законодательное же закрепление следственный эксперимент получил в 1960 году с принятием Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, в котором в статье 183 было дано понятие и порядок проведения следственного эксперимента, в частности, указано, что «в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для дела, следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события и совершения необходимых опытных действий» [2].

В соответствии со статьей 181 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: «В целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события» [10].

Следует отметить, что в ряде республик бывшего СССР дается примерно такое же определение следственного эксперимента, в частности, в статье 207 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь указано: «В целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе провести следственный эксперимент путем воспроизведения действия, обстановки или иных обстоятельств определенного события» [1].

Некоторые ученые придерживаются мнения о том, что следственный эксперимент состоит из двух разновидностей, в частности: «1) следственный эксперимент, содержанием которого является воспроизведение действий (производство опыта); 2) следственный эксперимент, состоящий в реконструкции обстановки (обстоятельств) исследуемого события» [11, с. 211].

Следует отметить, что не только у ученых были довольно разные взгляды на сущность и природу следственного эксперимента, на терминологию, а и у законодателя, например, статья 194 УПК Украинской ССР 1960 г., статья 174 Армянской ССР 1961 г. и статья 166 Узбекской ССР 1961г. получили название «Воспроизведение обстановки и обстоятельств события», статья 130-1 УПК Казахской ССР 1984 г. – «Проверка и уточнение показаний на месте», статья 185 УПК Латвийской ССР 1961 г. – «Проверка показаний на месте», статья 182 УПК Белорусской ССР 1960 г. – «Следственный эксперимент», статья 153-1 УПК Эстонской ССР 1961 г. – «Сопоставление показаний с обстановкой».

Следственный эксперимент является отдельным следственным действием, состоящим в проведении экспериментов с целью проверки, могли ли произойти при определенных условиях те или иные события и каким образом. Этим и должны определяться особенности тактических задач проведения следственного эксперимента [23, с. 183].

В процессе расследования дорожно-транспортных происшествий возникают различные задачи, решить которые можно только путем проведения следственного эксперимента. Указанные задачи связаны не только с исследованием действий участников происшествия, но и с реконструкцией отдельных элементов произошедшего события, и с установлением новых данных об обстоятельствах происшествия. Мы поддерживаем мнение некоторых ученых, которые считают, что в результате проведения следственного эксперимента появляются новые данные, доказательства, которых ранее не имелось в уголовном деле [12, с. 6].

Р.С. Белкин писал, что реконструкция в криминалистике – «один из тактических приемов по восстановлению обстановки проведения следственного действия (например, следственного эксперимента)» [4, с. 188]. При этом под следственным экспериментом он понимал познавательное следственное действие, суть которого заключается в проведении специальных опытов, связанных с получением новых, проверкой имеющихся доказательств или проверкой и оценкой «следственных версий о возможности или невозможности существования тех или иных фактов, имеющих значение для дела» [6, с. 17].

Изложенные рассуждения позволяют констатировать, что следственный эксперимент является самостоятельным процессуальным действием, заключающимся в осуществлении специальных экспериментальных действий, а в необходимых случаях – воспроизведении обстановки и обстоятельств определенного события, имеющего опытный характер, с целью определения, проверки и уточнения сведений, имеющих значение для установления обстоятельств уголовного правонарушения, а также для проверки версий и получения новых доказательств.

Наезд на пешехода является наиболее распространенным видом дорожно-транспортных происшествий.

При расследовании дорожно-транспортных происшествий следственный эксперимент чаще всего проводится с целью:

- установления возможности восприятия определенного факта, явления;
- установления возможности совершения определенных действий в данных условиях;
- установления возможности существования определенного явления;
- установления отдельных элементов механизма нарушения правил дорожного движения [9, с. 9].

Следственный эксперимент при расследовании преступлений, связанных с наездами на пешеходов, является одним из самых сложных следственных действий, поскольку подразумевает установление временных и пространственных величин, характеризующих обстоятельства дорожно-транспортного происшествия, в частности – времени движения пешехода в опасном направлении, обзорности с места водителя, видимости пешехода с места водителя и видимости дороги с места водителя, скорости движения транспортного средства и других.

Особую сложность вызывает проведение следственного эксперимента по делам, связанным с наездами на пешеходов, произошедшими в сложных метеорологических условиях, а тем более – в темное время суток.

Под метеорологическими условиями понимается состояние атмосферы в определенный промежуток времени. Метеорологические условия характеризуются такими параметрами как температура, давление, влажность воздуха, прозрачность атмосферы, гроза, метель и т.п.

Практика расследования дорожно-транспортных преступлений свидетельствует о том, что следственный эксперимент после осмотра места происшествия выступает одним из основных следственных действий, без проведения которого зачастую невозможно точно установить механизм ДТП, назначить автотехническую экспертизу, а в конечном счете – принять правильное решение по уголовному делу.

При расследовании дорожно-транспортных происшествий нередко следственный эксперимент проводится для определения видимости, обзорности участка дороги из салона или кабины автомобиля, для воссоздания расположения других транспортных средств по отношению к совершившему наезд транспортному средству и т.д.

При проведении расследований наездов на пешеходов необходимо выделить такие виды следственных экспериментов:

– эксперимент, который проводится с целью установить механизм дорожно-транспортного происшествия в целом, или же отдельные его элементы (например, расстояние, на котором находился автомобиль от места наезда в момент выхода пешехода на проезжую часть; расстояние, которое преодолел автомобиль после наезда до полной остановки в заторможенном состоянии и т.д.);

– эксперимент, который проводится с целью определения действий того или иного участника дорожно-транспортного происшествия (например, установить возможность обнаружить стоящего пешехода; определить скорость движения пешехода и т.д.);

– эксперимент, который состоит в определении технического состояния транспортного средства (проводится так называемое контрольное торможение с целью определения технического состояния тормозной системы), дорожных условий (определяется видимость проезжей части, обзорность с места водителя транспортного средства и т.д.).

При этом особую сложность вызывает проведение следственных экспериментов с целью определения расстояния, на котором водитель транспортного средства имел объективную возможность обнаружить пешехода в условиях с ограниченной видимостью. При этом видимость пешехода может быть ограниченной в том случае, если происшествие имело место в темное время суток, в тумане, при обильном снегопаде или других осадках, при наличии на проезжей части задымления и т.д. Данный процесс усложняется, если непосредственно перед наездом существовало несколько факторов, которые

ограничивали видимость в направлении движения, например, дождь или туман в темное время суток. Еще более сложный вариант – если дополнительным фактором является наличие встречного транспорта.

Следственный эксперимент проводится в три этапа: подготовительный, экспериментальный и заключительный, каждый из которых имеет существенное значение. При этом комплекс подготовительных мероприятий, как правило, осуществляется в два этапа: до выезда на место проведения следственного эксперимента и по прибытии на него.

Подготовительный этап к следственному эксперименту в данном случае заключается в следующем:

– подготовка транспортного средства. В случае, если транспортное средство, совершившее наезд, полностью исправно (особенно это касается световых приборов, ветрового стекла и т.д.), для проведения следственного эксперимента может использоваться данное транспортное средство. Если транспортное средство, совершившее наезд, неисправно, необходимо подобрать исправное транспортное средство такой же марки и модели, отрегулировать фары согласно ГОСТу;

– если наезд совершен перед разъездом со встречным транспортным средством или непосредственно после разъезда, необходимо подготовить исправное транспортное средство, желательное такой же марки и модели. В случае, если встречных транспортных средств было несколько, для проведения следственного эксперимента необходимо подготовить такое же количество транспортных средств;

– если наезд совершен во время дождя, следственный эксперимент необходимо проводить во время дождя или же подготовить автомобиль, который мог бы полить проезжую часть;

– если наезд совершен во время задымления проезжей части, необходимо подготовить средства для имитации дыма, например, дымовые шашки;

– подготовка измерительных инструментов, в частности могут понадобиться, рулетка, дальномер, секундомер, курвиметр, сигнальные устройства;

– подготовка приборов для фото и видео фиксации (при необходимости);

– для участия в следственном эксперименте необходимо подобрать двух статистов, один из которых будет выступать в качестве пешехода, второй – в качестве водителя автомобиля, совершившего наезд;

– для участия в следственном эксперименте в качестве специалиста необходимо пригласить лицо, обладающие специальными знаниями в области судебной автотехники с целью оказания методической и технической помощи следователю;

– в обязательном порядке при проведении следственного эксперимента должны присутствовать понятые, которых должно быть не менее двух. Если следственный эксперимент сложный, проверяется много эпизодов происшествия, необходимо охватить большую территорию, рекомендуется

приглашать понятых более двух. При этом лица, участвующие в качестве понятых, должны быть не заинтересованными в исходе дела;

– для обеспечения безопасности проведения следственного эксперимента необходимо привлечение как минимум двух работников ГИБДД [15, с. 163];

– кроме этого, принимать участие в следственном эксперименте, в случае необходимости, могут и другие субъекты уголовного процесса, например, защитник, переводчик, педагог. Необходимость их привлечения регламентирована соответствующими статьями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации;

– немаловажным элементом является инструктаж всех участников следственного эксперимента, в котором следователь (если необходимо – с участием специалиста) должен объяснить суть предстоящего эксперимента и действия каждого участника при его проведении.

Основные элементы экспериментального этапа следственного эксперимента заключаются в следующем:

– все действия по непосредственному проведению следственного эксперимента должны производиться в условиях максимально приближенных к тем, которые имели место в момент совершения наезда на пешехода, т.е. в месте исследуемого события, в то же время года и в то же время суток, и т.д. [10, с. 499]. Следственный эксперимент необходимо проводить в том же месте, где имело место дорожно-транспортное происшествие. Если проезжая часть была мокрая или покрыта снегом, льдом, если на обочинах лежал снег, необходимо соблюсти эти условия. Если непосредственно перед наездом видимость проезжей части была ограничена дымом, который порывами ветра несло с полей, необходимо также соблюсти и эти условия. Если наезд совершен во время дождя или снегопада, на транспортном средстве, которое совершило наезд или его имитаторе, должны работать стеклоочистители, как и во время происшествия, ветровое стекло поливаться водой либо посыпаться снегом. Само собой разумеется, что если происшествие имело место в темное время суток, следственный эксперимент необходимо проводить в темное время суток при тех же условиях (облачность, луна и т.д.);

– перед началом проведения замеров лицо, с которым проводится следственный эксперимент (водитель, совершивший наезд, пешеход, свидетель), должно подтвердить, что метеорологические и другие условия соответствуют тем, которые имели место в момент происшествия;

– помощь по методике проведения следственного эксперимента оказывает специалист в области судебной экспертизы.

Заключительный этап следственного эксперимента заключается в следующем – все действия фиксируются в протоколе, который является обязательным средством фиксации следственного эксперимента, а также при необходимости с помощью фото- или видеофиксации.

В случае, если необходимо определить скорость движения пешехода или время движения пешехода на каком-то участке проезжей части, состояние

данного участка должно соответствовать тому, которое было в момент происшествия (сухое, мокрое, покрыто снегом, гололедом и т.п.). Возраст, пол, одежда, антропологические данные пешехода, с которым проводится эксперимент, должны быть такими же, как и у пешехода, на которого совершен наезд.

В случае, если следственный эксперимент проводится со свидетелем, свидетель должен находиться в том же месте или в таком же транспортном средстве, откуда он наблюдал происшествие.

Эксперименты, как правило, производятся многократно (не менее трех раз) [16, с. 41]. Неоднократное повторение одних и тех же опытов в процессе одного следственного эксперимента позволяет более тщательно изучить исследуемое явление, убедиться в том, что полученные результаты являются не случайными, а достоверными [5, с. 99]. Дублирующие исследовательские действия должны быть повторены такое количество раз, которое будет необходимо, чтобы исключить возможность случайных результатов, доказать их закономерность. Считается, что именно многократность – первый принцип следственного эксперимента.

Также при значительных расстояниях, фиксируемых при проведении следственного эксперимента, можно использовать квадрокоптеры. Использование инновационных технологий в процессе расследования дорожно-транспортных происшествий «на протяжении последующих лет будут оставаться актуальными и жизненно важными, требующими своевременного реагирования и разрешения».

Из всего сказанного следует, что в случае, если наезд на пешехода совершен в сложных погодных условиях, о которых говорилось выше, его необходимо проводить в системе первоочередных следственных действий, поскольку в данном случае несвоевременное его проведение может не только отрицательно сказаться на его качестве, но и сделать невозможным его проведение.

Выводы. Следственный эксперимент при расследовании наезда на пешехода в необычных метеорологических условиях является достаточно сложным следственным действием, которое требует необходимых знаний как уголовного процессуального законодательства, так и чисто тактических особенностей его проведения, а также тщательной подготовки и четкой организации, поскольку в нем участвует большое количество лиц, необходимо привлечение транспортных и различных технических средств.

Зачастую объективная проверка и оценка полученных доказательств при расследовании дорожно-транспортных происшествий возможны только при проведении следственного эксперимента, что позволяет следователю экспериментальным (опытным) путем не только проверить достоверность полученных в ходе проведения расследования сведений и подтвердить правильность своих предположений, но и в полном объеме воспроизвести картину произошедшего события и получить новые данные, которые будут

необходимы для проведения судебной автотехнической экспертизы (например, видимость проезжей части в направлении движения, скорость движения пешехода, время движения пешехода в опасном направлении и т.д.).

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://belzakon.net/Кодексы/Уголовно_Процессуальный_Кодекс_РБ (дата обращения 14.01.2023).
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5601.htm (дата обращения 14.01.2023).
3. Ароцкер Л.Е. Следственный эксперимент в советской криминалистике: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.09 «Уголовный процесс и криминалистика; судебная экспертиза» / Л. Е. Ароцкер. – Харьков, 1951. – 300 с.
4. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. 2-е изд. доп. – Москва : Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.
5. Белкин Р.С. Теория и практика следственного эксперимента / Р.С. Белкин; Под общ. ред. А.И. Винберга. – Москва: ВШ МВД СССР, – 1959. – 171 с.
6. Белкин Р.С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике / Р.С. Белкин. – Москва : «Юрид. лит.», 1964. – 223 с.
7. Громов В.И. Методика расследования преступлений: Руководство для органов милиции и уголовного розыска / В.И. Громов. – Москва : Изд-во Нар. ком. внутр. дел. РСФСР, 1929. – 114 с.
8. Гуковская Н.И. Следственный эксперимент (пособие для следователей) / Н. И. Гуковская. – Москва : Госюриздат, 1958. – 95 с.
9. Драпкин Л.Я. Тактико-криминалистические аспекты проведения следственного эксперимента / Л.Я. Драпкин, И.Г. Пяткова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2014. – № 2. – С. 8-11.
10. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общей редакцией Радченко В.И. – Москва : Юридический дом «Юстицинформ», 2016. – 1060 с.
11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., переработанное и дополненное // Под ред. В.И. Радченко, В.Т. Томина, М.П. Полякова. – Москва : Юрайт-Издат, 2006. – 1012 с.
12. Ляхов Ю.А. Следственный эксперимент в уголовном судопроизводстве. Учебное пособие / Ю.А. Ляхов, О.А. Луценко, Ю.Б. Чупилкин. – Ростов-на-Дону : Изд-во СКАГС, 2006. – 88 с.
13. Пацкевич А.П. Криминалистические проблемы проведения следственного эксперимента // I Минские криминалистические чтения: материалы Международной научно-практической конференции, (Минск, 20 декабря 2018 г.): в 2 ч. / А.П. Пацкевич / УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». – Минск, 2018. – Ч. 1. – С. 259-265.

14. Пинчук Л.В. К вопросу о возможностях судебных экспертиз при расследовании дорожно-транспортных преступлений. Вестник Московского университета МВД России / Л.В. Пинчук. – 2019. – № 4. – С. 195-201.
15. Пинчук Л.В. К вопросу об участниках следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Вестник Московского университета МВД России / Л.В. Пинчук. – 2017. – № 4. – С. 162-165.
16. Пинчук Л.В. Следственный эксперимент при расследовании дорожно-транспортных преступлений: Учеб. Пособие / Л.В. Пинчук, Е.А. Сусло. – Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, – 2017. – 72 с.
17. Сиренко Б.Н. Правовое обеспечение цифровизации в Донецкой Народной Республике и иностранных государствах / Б.Н. Сиренко, Г.Ю. Щербань // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – Вып. 17. – Донецк : ДЮА, 2021. – С. 207-214.
18. Следственные действия: пособие / Ю.П. Шкаплеров, И.В. Данько; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». – Могилев : Могилев. институт МВД, 2017. – 106 с.
19. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. – Москва: [б.и.], 2021. – 62 с.
20. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года. – Москва: [б.и.], 2022. – 66 с.
21. Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2022 года. – Москва: [б.и.], 2022. – 66 с.
22. Тарасов-Родионов П.И. Следственный эксперимент // Материалы учебной конференции следователей в прокуратуре Союза ССР (август – сентябрь 1936 г.): Практическое пособие для следователей / П.И. Тарасов-Родионов. – Москва : Юрид. изд-во НКЮ, 1937. – С. 73-107.
23. Чельшева О.В. Вопросы теории и практики следственного эксперимента / О.В. Чельшева // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – Т. 19. – № 2. – С. 176-184.

УДК 343.13

Г.Н. Гапотченко, канд. юрид. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: gapot4enko63@mail.ru)

ИНФОРМАЦИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ, УПОЛНОМОЧЕННЫХ НА ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПОВОД ДЛЯ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье исследуются отдельные вопросы использования информации подразделений, которые осуществляют ОРД, как повода для начала уголовно-процессуальной деятельности, обосновывается авторское определение понятия «оперативно-розыскная информация», а также вносятся предложения по усовершенствованию правовой регламентации поводов для начала уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *выявление и раскрытие преступлений, оперативно-розыскная деятельность, повод, уголовное дело, оперативно-розыскная информация, уголовный процесс, уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.*

Gapotchenko, G.N.

INFORMATION OF THE DEPARTMENTS OF STATE BODIES AUTHORIZED TO CONDUCT OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES AS A REASON TO START CRIMINAL PROCEEDINGS

The article explores certain issues of using information from units that carry out the operational investigative activities as a reason to start criminal procedural activities, substantiates the author's definition of the concept of «operational investigative information», and also makes proposals to improve the legal regulation of reasons for starting criminal proceedings.

Key words: *detection and disclosure of crimes, operational investigative activity, reason, criminal case, operational investigative information, criminal procedure, Criminal Procedure Code of the Russian Federation.*

Актуальность темы исследования. В соответствии с Федеральным конституционным законом Российской Федерации от 04.10.2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» [1], Донецкая Народная Республика (далее – ДНР) вошла в состав Российской Федерации (далее – РФ).

На основании ч.1 ст. 2 указанного закона законодательные и иные нормативные правовые акты РФ действуют на территории ДНР со дня принятия ДНР в состав РФ.

Данная норма обязывает соответствующих субъектов – граждан и должностных лиц РФ изучить соответствующие нормативные правовые акты, руководствоваться ими и применять их в повседневной жизни и деятельности.

Речь идет, в том числе, об изучении и применении законодательства РФ, регулирующего уголовное судопроизводство в целом, и тех вопросов, которые касаются регламентации поводов для начала уголовного судопроизводства. В нашем исследовании мы проведем анализ законодательства РФ и некоторых постсоветских государств по указанной теме, выделим отдельные дискуссионные вопросы, которые, по нашему мнению, требуют усовершенствования, а также предложим механизм их разрешения.

Анализ научных исследований. В различное время вопросы, изложенные в настоящей статье, были предметом научного исследования ученых-процессуалистов: М.И. Бажанова, Б.Т. Безлепкина, Ю.Н. Белозёрова, В.П. Божьева, С.В. Бородина, А.Я. Дубинского, В.И. Зажицкого, Л.М. Карнеевой, Е.Д. Лукьянчикова, П.А. Lupинской, А.Р. Михайленко, М.М. Михеенко, М.С. Строговича, М.А. Чельцова, А.А. Чувилёва и других.

В то же время отдельные вопросы, изложенные в данной статье, по нашему мнению, являются дискуссионными, требуют усовершенствования уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Цель статьи. Основной целью данной научной статьи является проведение комплексного правового исследования уголовно-процессуального законодательства РФ, научной и учебной литературы по вопросам правовой регламентации отдельных норм УПК РФ, которые регламентируют поводы для начала уголовного судопроизводства, формулировка и обоснование конкретных предложений по усовершенствованию уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) по теме данного научного исследования.

Изложение основного материала. Для того, чтобы понять актуальность темы исследования и сформулировать конкретные выводы, указанные в целях статьи, следует привести данные, которые имеются в открытых источниках, об итогах работы Национального антитеррористического комитета (НАК) России за 2022 год. Отмечено, что в результате принятых мер в текущем году на стадии приготовления предотвращено 123 преступления террористической направленности, в том числе 64 теракта. Пресечена деятельность 68 законспирированных ячеек международных террористических организаций.

При попытке пересечения Государственной границы в пунктах пропуска задержаны более четырехсот украинских националистов и лиц, совершивших военные преступления. Не допущен въезд в Российскую Федерацию 1026 лиц, причастных к террористической деятельности.

Выявлено около 2,6 тыс. фактов незаконного оборота оружия, ликвидировано более 50 подпольных оружейных мастерских, пресечена деятельность 74 организованных преступных групп, занимавшихся изготовлением средств поражения [13].

Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие указанных и подобных преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, невозможно или крайне

затруднено без проведения государственными органами, которые уполномочены на проведение оперативно-розыскной деятельности, оперативно-розыскных мероприятий, которые предусмотрены ст.6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) [2].

В соответствии со ст.11 этого Закона результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

В то же время, ст.144 действующего УПК РФ такого повода не содержит.

Справедливости ради, следует отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве ряда союзных республик (а сейчас независимых государств) бывшего Союза Советских Социалистических Республик (СССР) имелся такой повод к возбуждению уголовного дела как «непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором или судом признаков преступления» (п.6 ч.1 ст.108 УПК РСФСР 1960 г. [7]; п.5 ч.1 ст. 94 УПК Украины 1960 г. [8, с. 275]).

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве ряда постсоветских государств указанный повод сохранился, но изложен в несколько иной редакции.

Так, в соответствии с ч.2 ст.140 УПК Республики Таджикистан он именуется «непосредственное обнаружение дознавателем, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления» [5].

В соответствии с п.3 ч.1 ст.148 УПК Кыргызской Республики указанный повод именуется как «рапорт должностного лица, органа дознания, следователя или прокурора о непосредственном обнаружении обстоятельств, которые свидетельствуют о совершенном или готовящемся преступлении» [4].

Указанный повод указывался, как правило, в постановлении о возбуждении уголовного дела, когда в основе принятия данного процессуального решения использовались материалы, которые были получены в результате проведения ОРД.

Известно, что для возбуждения уголовного дела необходимы предусмотренные УПК поводы. Их чёткая правовая регламентация является гарантией законности и обоснованности принятия уполномоченными субъектами уголовного процесса решения о возбуждении уголовного дела. Часть 1 ст. 140 УПК РФ содержит их исчерпывающий перечень [6]. Как мы уже отмечали, такого повода как «результаты ОРД» в ней нет.

В то же время, в соответствии с п.36.1 ст.5 УПК РФ результатами оперативно-розыскной деятельности являются сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления,

лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

В УПК нет определения понятия «повода к возбуждению уголовного дела», не раскрывается понятие такого повода, как непосредственное обнаружение признаков преступления, поэтому по данному вопросу в научной литературе высказаны самые различные суждения.

Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин отмечают, что «непосредственное усмотрение» как повод в первоначальном толковании, понимался именно в виде наблюдения преступного деяния. В соответствии со ст.15 «Инструкции об организации и действии местных судов от 23 июля 1918 г.» подчёркивалось, что возбуждение уголовного дела через непосредственное усмотрение происходит в тех случаях, когда суду, в лице хотя бы одного из своих членов, довелось наблюдать нарушение закона [12, с.115].

В.Н. Григорьев полагает, что непосредственное обнаружение признаков преступления начинается именно с получения органами внутренних дел сведений, по которым можно предположить наличие уголовно наказуемого деяния [11, с.12].

Необходимо отметить, что понятие «оперативно-розыскные мероприятия» впервые в открытом нормативном правовом акте было изложено 25.12.1959 г. в «Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» (далее – Основы). Согласно ст.29 Основ на органы дознания было возложено «принятие необходимых оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления признаков преступлений и лиц, которые их совершили» [3].

Анализируя содержание оперативно-розыскных мероприятий, которые изложены в ст. 6 Закона об ОРД, можно сделать вывод о том, что все они являются активными, то есть инициатива их проведения (применения) исходит от уполномоченного на то соответствующего сотрудника государственного органа, и направлена она, прежде всего, на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; а также иных задач, которые указаны в ст.2 указанного Закона. Эти задачи могут выполняться как до возбуждения, так и по уже возбуждённому уголовному делу.

Поскольку УПК РФ предусматривает розыскные мероприятия по возбуждённому уголовному делу, то предлагается регламентированную законом оперативно-розыскную и процессуальную деятельность, которая проводится до возбуждения уголовного дела, направленную на выявление, предупреждение или пресечение еще не известных совершенных либо готовящихся преступлений, а также лиц, которые их совершили, именовать «оперативно-поисковая деятельность», до тех пор, пока в результате оперативно-поисковой деятельности не будут получены (выявлены, добыты) указанные выше сведения.

Как и в основе всякого рода деятельности, первичным в оперативно-поисковой деятельности является получение первичных сведений (информации) о возможных готовящихся либо совершенных преступлениях, которая

побуждает, а в отдельных случаях обязывает указанных выше сотрудников оперативных подразделений принять предусмотренные законом действия.

В научной литературе указанные первичные сведения именуется оперативно-розыскной информацией.

Вместе с тем, понятие оперативно-розыскной информации в Законе об ОРД не упоминается и не раскрывается. Мы предлагаем изложить такое понятие в следующей редакции:

«Оперативно-розыскная информация – это любые первоначальные сведения (фактические данные) о противоправных деяниях отдельных лиц и групп, ответственность за которые предусмотрена Уголовным кодексом Российской Федерации, полученные или выявленные гласно или негласно должностными лицами оперативных подразделений государственных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, зафиксированные надлежащим образом в соответствующем документе, доведенные до сведения руководителя соответствующего оперативного подразделения и должностного лица, уполномоченного осуществлять уголовный процесс, и побуждающие (а в определенных законом случаях обязывающие) указанных должностных лиц в пределах своей компетенции принять предусмотренные законом меры по их регистрации, рассмотрению, проверке (как с помощью оперативно-розыскных мероприятий, так и уголовно-процессуальных действий), и принятия решения в соответствии с требованиями ст. 145 УПК Российской Федерации».

Вместе с тем, как показывает многолетний личный опыт оперативной и следственной работы, в отдельных случаях первичные сведения, полученные оперативным, в том числе негласным путём, могут быть проверены гласными процессуальными и следственными действиями, которые указаны в ч.1 ст.144 УПК РФ, и не требуют проведения оперативно-розыскных мероприятий, указанных в ст.6 Закона об ОРД.

В то же время, отдельные заявления или сообщения о готовящихся либо совершенных преступлениях, полученные из открытых источников, требуют проверки как путём проведения процессуальных и следственных действий, которые указаны в ч.1 ст.144 УПК РФ, так и проведения оперативно-розыскных мероприятий, указанных в ст.6 Закона об ОРД. Как правило, речь идёт о случаях, когда лица, в отношении которых (или по факту их преступных действий) проводится проверка, принимают меры по сокрытию или уничтожению объектов проверки, документов, вещественных доказательств, оружия и др.

Считаем, что с момента получения и регистрации оперативно-розыскной информации познавательная деятельность по её проверке и принятию решения должна осуществляться в рамках ст.144 УПК РФ путём производства как процессуальных и следственных действий, так и оперативно-поисковых мероприятий.

В этой связи, нами ранее было проведено научное исследование по вопросам взаимодействия следователя с органами дознания в стадии возбуждения уголовного дела. По результатам исследования сформулированы и

обоснованы выводы о том, что проверка заявления о преступлении путем проведения ОРД проводится совместно следственно-оперативной группой, в состав которой входят следователь, оперативный работник и эксперт-криминалист. Возглавляет следственно-оперативную группу следователь [9, с. 25-36].

Также следует отметить, что в УПК РФ отсутствует понятие «повода к возбуждению уголовного дела»

Нами предлагается изложить такое понятие в следующей редакции: «поводом к возбуждению уголовного дела является факт получения (выявления) и регистрации органом дознания, дознавателем, следователем, руководителем следственного органа, прокурором или судом сведений, указывающих на совершенное или готовящееся преступное деяние, который обязывает указанных должностных лиц принять, зарегистрировать, проверить указанные сведения путем производства процессуальных действий, предусмотренных ч.1 ст.144 УПК РФ, и принять по нему одно из итоговых процессуальных решений – о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении уголовного дела; о передаче сообщения по подследственности в соответствии со статьей 151 УПК РФ, а по уголовным делам частного обвинения – в суд, в соответствии с частью второй статьи 20 УПК РФ».

Кроме того, с момента появления законного повода (заявления о совершённом либо готовящемся преступлении), до принятия по нему итогового процессуального решения, в соответствии с ч.1 ст. 144 УПК РФ, проводится полноценная процессуальная (а в отдельных случаях и оперативно-розыскная) деятельность. Учитывая, что срок такой проверки может быть продлён до 30 суток, итоговое процессуальное решение по такой проверке не всегда известно.

В п. 56 ст. 5 УПК РФ употребляется такое понятие, как «уголовное судопроизводство», которое включает в себя досудебное и судебное производство по уголовному делу. В свою очередь, в п. 9 данной статьи указано, что досудебное производство – уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу.

Таким образом, мы считаем, что название ст. 140 УПК РФ в действующей редакции «Поводы и основания для возбуждения уголовного дела» является некорректным. С учётом изложенного полагаем, что данная статья должна именоваться «Поводы и основания для начала досудебного производства», либо «Поводы и основания для начала уголовного судопроизводства».

Проведенным ранее научным исследованием, нами сформулированы и обоснованы выводы о том, что в стадии возбуждения уголовного дела в соответствии с нормами УПК РФ осуществляется полноценное уголовно-процессуальное доказывание. Часть 2 ст. 140 УПК РФ предложено изменить и изложить в следующей редакции:

«Уголовное дело может быть возбуждено только в тех случаях, если имеются достаточные доказательства, указывающие на наличие признаков преступления» [10, С.15-22].

С учётом изложенного, считаем, что отдельные нормы УПК РФ следует изменить, либо дополнить.

Выводы.

1. Название ст.140 УПК РФ «Поводы и основания для возбуждения уголовного дела» изменить и именованть «Поводы и основания для начала уголовного судопроизводства».

2. Часть 1 ст. 140 УПК РФ изменить, дополнить и изложить в следующей редакции:

Поводом для начала уголовного судопроизводства является факт получения (выявления) и регистрации органом дознания, дознавателем, следователем, руководителем следственного органа, прокурором или судом сведений, указывающих на совершенное или готовящееся преступное деяние, который обязывает указанных должностных лиц принять, зарегистрировать, проверить указанные сведения путем производства процессуальных действий, предусмотренных ч.1 ст.144 УПК РФ, и принять по нему одно из итоговых процессуальных решений, указанных в ч.1 ст.145 настоящего Кодекса:

1) о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном статьей 146 настоящего Кодекса;

2) об отказе в возбуждении уголовного дела;

3) о передаче сообщения по подследственности в соответствии со статьей 151 настоящего Кодекса, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с частью второй статьи 20 настоящего Кодекса.

3. Часть 2 ст. 140 УПК РФ изменить, дополнить и изложить в следующей редакции:

«Уголовное дело может быть возбуждено только в тех случаях, если имеются достаточные доказательства, указывающие на наличие признаков преступления».

4. Часть 1 ст.144 УПК РФ «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении» дополнить текстом следующего содержания:

«Проверка заявления о преступлении путем проведения ОРД проводится совместно следственно-оперативной группой, в состав которой входят следователь, оперативный работник и эксперт-криминалист. Возглавляет следственно-оперативную группу следователь».

5. Обосновано и сформулировано авторское понятие оперативно-розыскной информации, согласно которого:

«Оперативно-розыскная информация – это любые первоначальные сведения (фактические данные) о противоправных деяниях отдельных лиц и групп, ответственность за которые предусмотрена Уголовным кодексом Российской Федерации, полученные или выявленные гласно или негласно должностными лицами оперативных подразделений государственных органов,

осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, зафиксированные надлежащим образом в соответствующем документе, доведенные до сведения руководителя соответствующего оперативного подразделения и должностного лица, уполномоченного осуществлять уголовный процесс, и побуждающие (а в определенных законом случаях обязывающие) указанных должностных лиц в пределах своей компетенции принять предусмотренные законом меры по их регистрации, рассмотрению, проверке (как с помощью оперативно-розыскных мероприятий, так и уголовно-процессуальных действий), и принятия решения в соответствии с требованиями ст. 145 УПК Российской Федерации».

6. Обосновано и сформулировано авторское понятие повода для начала уголовного судопроизводства, согласно которого:

«Поводом для начала уголовного судопроизводства является факт получения (выявления) и регистрации органом дознания, дознавателем, следователем, руководителем следственного органа, прокурором или судом сведений, указывающих на совершенное или готовящееся преступное деяние, который обязывает указанных должностных лиц принять, зарегистрировать, проверить указанные сведения путем производства процессуальных действий, предусмотренных ч.1 ст.144 УПК РФ, и принять по нему одно из итоговых процессуальных решений – о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении уголовного дела; о передаче сообщения по подследственности в соответствии со статьей 151 УПК РФ, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с частью второй статьи 20 УПК РФ».

7. Вид оперативной деятельности уполномоченного на то соответствующего сотрудника государственного органа, направленный на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; а также иных задач, которые указаны в ст.2 Закона об ОРД, осуществляемой до возбуждения уголовного дела

– именовать «оперативно-поисковая деятельность», а не «оперативно-розыскная» до тех пор, пока в результате оперативно-поисковой деятельности не будут получены (выявлены, добыты) указанные выше сведения.

8. Полагаем, что с момента получения и регистрации оперативно-розыскной информации о готовящемся либо совершенном преступлении, познавательная деятельность по её проверке и принятию решения, должна осуществляться в рамках уголовного судопроизводства, с учётом требований ст.144 УПК РФ, путём производства как процессуальных и следственных действий, так и оперативно-поисковых мероприятий. Итоговое процессуальное решение по такой оперативно-розыскной информации может приниматься только после проведения соответствующей проверки.

9. На законодательном уровне путём внесения изменений и дополнений в отдельные нормативные правовые акты разрешить следующие вопросы:

а) определить субъект уголовного процесса, которому необходимо сообщать о получении и регистрации оперативно-розыскной информации о

готовящемся либо совершенном преступлении. По нашему мнению, таким субъектом должен быть прокурор;

б) учитывая, что оперативно-розыскная деятельность проводится с использованием методов и средств, которые составляют государственную тайну, определить особый режим содержания и регистрации документа, в котором изложена полученная оперативно-розыскная информация, чтобы исключить к ней доступ посторонних лиц, а также сведения о самой проверке и лицах, которые её осуществляют (будут осуществлять).

Указанные выводы не являются исчерпывающими, а предложения, изложенные в п.9 требуют дополнительного научного исследования.

Список литературы

1. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики : Федеральный конституционный закон. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428188/?ysclid=ldu0vv66or66299738 (дата обращения 28.02.2023).
2. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (в редакции от 28.12.2022 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ad43ad2ce3d99192cd6a7ad6d1541db364c348db/ (дата обращения 28.02.2023).
3. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 25.12.1958 г. // ВВС СССР. – 1959. – № 1. – Ст.15.; О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 12.06.1990 г. // ВВС СССР. – 1990. – № 26. – Ст. 495.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 г. (в редакции от 18.01.2022 г.). – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112308?cl=ru-ru#st_27 (дата обращения 28.02.2023).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.12.2022 г.). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304&pos=4;-88#pos=4;-88 (дата обращения 28.02.2023).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в редакции от 17.02.2023 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/fa53613fc0baccd92ae91e78087fdb41cc69ed88/ (дата обращения 28.02.2023).
7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. (утратил силу 01.07.2002). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1/page/1> (дата обращения 28.02.2023).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Украины: научно-практический комментарий / под общей редакцией В.Т. Маляренко, Ю.П. Аленина. – Харьков : ООО «Одиссей», – 2005. – 968 с.

9. Гапотченко Г.Н. Актуальные вопросы взаимодействия следователя с органами дознания по уголовно-процессуальному законодательству Донецкой Народной Республики / Г.Н. Гапотченко // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2021. – № 16. – С. 25–36.
10. Гапотченко Г.Н. Сравнительно-правовой анализ регламентации доказывания в стадии возбуждения уголовного дела по уголовно-процессуальному законодательству Донецкой Народной Республики и Российской Федерации / Г.Н. Гапотченко // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2022. – № 23. – С. 15–22.
11. Григорьев В.Н. Обнаружение признаков преступления органами внутренних дел : учебное пособие / В.Н. Григорьев. – Ташкент, – 1986.
12. Жогин Н.В. Возбуждение уголовного дела / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. – Москва : Госюриздат, 1961. – 206 с.
13. Официальный сайт полномочного представителя Президента РФ в Приволжском округе // В Москве прошло заседание Национального антитеррористического комитета. – URL: <http://pfo.gov.ru/press/events/107394/?ysclid=lemf9i2yg9857655743> (дата обращения 28.02.2023).

УДК 343.222

**А.А. Кашпер, аспирант, Донбасская юридическая академия
(г. Донецк)**

(e-mail: anna.kashper@mail.ru)

**ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ,
ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛИЦА ОТ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНОМ РАСКАЯНИЕМ**

В статье рассмотрено основание освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, дана характеристика уголовно-правовой нормы, предусматривающей освобождение лица от уголовной ответственности в связи с ее деятельным раскаянием.

Ключевые слова: *деятельное раскаяние, освобождение от уголовной ответственности, смягчающие вину обстоятельства, элементы деятельного раскаяния.*

Kashper, A.A.

**CHARACTERISTICS OF THE CRIMINAL LAW NORM PROVIDING
FOR THE RELEASE OF A PERSON FROM CRIMINAL LIABILITY IN
CONNECTION WITH ACTIVE REPENTANCE**

The article considers the grounds for exemption from criminal liability in connection with active repentance, characterizes the criminal law norm providing for the release of a person from criminal liability in connection with active repentance.

Key words: *active repentance, exemption from criminal liability, mitigating circumstances, elements of active repentance.*

Актуальность темы исследования. Понятие нормы широко используется в научной литературе. Под нормой понимается тип массового процесса, то, что «уже сложилось и давно существует на самом деле» [10, с. 78], «распоряжение, образец поведения или действия, мера заключения о чем-либо и мера оценки» [11, с. 129].

Юридическая норма – разновидность социальной нормы, и как таковая призвана регламентировать и регулировать поведение людей [13, с. 86]. В теории права закрепилось мнение, что норма права – это общеобязательное правило социального поведения, установленное или санкционированное государством, выраженное публично в формально-определенных предписаниях, как правило, – в письменной форме и охраняемое органом государства путем контроля за его соблюдением и применение предусмотренных законом мер принуждения за совершенное правонарушение [12, с. 154].

Определение уголовно-правовой нормы как установленного государством правила поведения не является общепризнанным в юридической литературе. Это связано не только с различием подходов в оценке специфики уголовно-правовых норм. Впервые против такой формулировки нормы права выступили Н.Н. Полянский и О.Е. Пашерстник. По их мнению, термин «правило поведения» не охватывает всего многообразия форм регулирования нормами права общественных отношений, а именно регулирование проявляется как в установлении конкретного варианта поведения, прав и обязанностей субъектов права, так и в том, что правовая норма устанавливает определенные общие организационные основы и принципы для правового регулирования всего комплекса общественных отношений или всех их в целом [18, с. 8].

Таким образом, в систему права, кроме норм – правил поведения, включаются нормы, не являющиеся таковыми. К ним обычно относят законодательные положения констатирующего и описательного характера: принципы права, его задачи, дефиниции, – и называют их, например, другими нормативными обобщениями, нетипичными нормативными положениями [9, с. 80-84].

Если определить уголовно-правовую норму так же, как другие правовые нормы, выделяя объектом правового регулирования волевое поведение людей, то положения Общей части Уголовного кодекса о задачах уголовного закона, об определении понятия преступления и целях наказания и подобные им положения самостоятельными уголовно-правовыми нормами назвать нельзя. Эти положения правил поведения через установление прав и обязанностей адресатов уголовного закона не определяют и самостоятельного регулирования общественных отношений не осуществляют. Только взятые в системе правовые положения образуют отдельную норму и осуществляют регулирование общественных отношений [9, с. 80-84].

Представляется, что более обоснована и логична точка зрения Ю.В. Баулина, в соответствии с которой нельзя рассматривать уголовно-правовую норму как правило поведения субъектов преступления [2, с. 85]. По его мнению, уголовно-правовая норма устанавливает правило поведения для суда, она определяет поведение государства в отношении лица, совершившего преступление. Нормы о постпреступном поведении отличаются от других норм уголовного права, которые предусматривают составы преступлений и санкции, прежде всего предметом регулирования, потому что данные нормы регулируют общественные отношения, которые сложились после совершения преступления в связи с дальнейшим поведением лица, совершившего преступление.

Спецификой уголовно-правовой нормы, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, является то, что эта норма поощрительная, а освобождение от уголовной ответственности является одним из средств поощрения.

Единой точки зрения по поводу определения понятия таких норм нет. Одни авторы считают поощрительные нормы разновидностью уполномочивающих норм [20, с. 16-19], другие определяют такие нормы неправовым стимулом [8, с. 104]. Несмотря на имеющиеся разногласия, В.М. Баранов [1, с. 87], В.М. Елеонский [5, с. 39] и другие ученые отстаивают право на существование поощрительных норм. Поощрительная норма содержит средство поощрения за социально-полезное поведение, которое должно заключаться в соблюдении и исполнении юридических и иных обязанностей или в достижении определенных результатов, которые преобладают над определенными требованиями [1, с. 87]. Таким образом, в уголовном праве, кроме норм, которые устанавливают ответственность за совершение преступления, есть и нормы, которые содержат уголовно-правовое поощрение в виде освобождения от уголовной ответственности.

Эффективность уголовного права определяется и тем, в какой степени уголовно-правовые нормы побуждают преступника к «самостоятельному» исправлению. Стимулирование преступника к положительному реагированию на предъявляемые уголовно-правовые требования посредством закрепления в нормах уголовного права положительных стимулов, поощрений на данном этапе является одним из важных проявлений гуманизма в правовом государстве.

Анализ научных исследований. Вопросом характеристики уголовно-правовой нормы, предусматривающей освобождение лица от уголовной ответственности в связи с ее деятельным раскаянием, занимались такие ученые: В.М. Баранов, Ю.В. Баулин, И.М. Гальперин, И.Э. Звечаровский, А.Н. Филатов и другие.

Целью статьи является анализ характеристики уголовно-правовой нормы, предусматривающей освобождение лица от уголовной ответственности в связи с ее деятельным раскаянием.

Изложение основного материала. Уголовно-правовой характер преступность приобрела с появлением государства, когда нужен был

специальный аппарат, который имел бы соответствующие органы принуждения [15, с. 104].

Уголовное право занимает особое место в системе государственно-правового воздействия на общественные отношения. Одной из главных его задач является правовое обеспечение охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений (часть 1 статьи 2 УК РФ). Решение этой задачи предполагает не только определение того, какие общественно-опасные деяния являются преступными и какие наказания должны применяться к лицам, их совершившим, но и определение оснований, которые дают возможность освобождения от уголовной ответственности или освобождения от наказания. Поэтому мерами уголовно-правового воздействия на индивидов выступает и наказание, и поощрение.

Как справедливо отмечал И.М. Гальперин, если принуждение по мере развития общества действительно резко сократилось, то отсюда не вытекает, что оно в такой же степени утрачивает свою роль в борьбе с преступностью [3, с. 102]. Пока существует преступность, наказание будет именно преобладающей формой принуждения за совершение общественно-опасных и уголовно-противоправных деяний [7, с. 76]. Но ни угроза наказанием, ни само применение наказания не могут ликвидировать преступность, существование которой обусловлено социально-экономическими причинами, для устранения которых требуется значительный период времени.

И.Э. Звечаровский правильно отмечает, что наибольший предупредительный эффект достигается при постоянном вытеснении, замене нежелательных форм поведения на социально-полезные обществу и индивиду формы и виды поведения [7, с. 76]. В связи с этим в качестве подкрепляющего, позитивного стимула выступает уголовно-правовое поощрение. Закрепление данного стимула в правовых нормах ориентирует лицо, совершившее преступление, в выгодном как для него самого, так и для общества направлении. Поэтому достижение цели наказания, а, следовательно, и решения задач, стоящих перед уголовным правом, возможно не только посредством усиления принудительного механизма, но и посредством предоставления льгот и преимуществ, что имеют поощрительный характер.

Поощрение при освобождении от уголовной ответственности применяется, если и задача исправления лица, совершившего преступление, и задачи общего и частного предупреждения могут быть достигнуты без привлечения лица к уголовной ответственности, назначения и исполнения наказания. «Без поощрения уголовная юстиция теряет смысл, поскольку любые усилия человека загладить свою вину перед обществом не будут получать подкрепления, и в конечном счете начнут постепенно затухать, наказание будет носить исключительно возмездный характер» [4, с. 73-78.]. Ведь поощрение

применяется в основном к лицам, которые испытывают чувство сожаления по поводу своего поступка, раскаяние, стремящимся вернуться к честной жизни и которые делают в этом направлении конкретные, одобряемые обществом шаги. Выражается оно в освобождении от обременений, которые должны налагаться на лицо в связи с совершенным преступлением.

Очевидно, что освобождение от негативных последствий, предусмотренных уголовным законом, требует жесткой правовой регламентации этого института. По этой причине основания его применения должны быть четко сформулированы в самом законе, что служит одной из гарантий обеспечения прав и выполнения обязанностей субъектов уголовно-правового отношения.

Норма о деятельном раскаянии как раз и является той нормой, которая по содержащимся в ней правовым последствиям относится к разряду поощрительных.

Истинное состояние юридической действительности требует разработки поощрения как особого способа упорядочения общественных отношений, позволяющего более полно использовать потенциал правовой системы, которая реформируется.

Одни авторы поощрительной деятельностью лица после совершения преступления определяют его отказ от дальнейшего преступного поведения, содействие в раскрытии и расследовании преступления. Другие считают это компромиссом или альтернативными мерами в борьбе с преступностью. [12, с. 154].

Законодательство не содержит понятия «поощрение», хотя оно в науке уголовного права используется достаточно часто. Так, Ю.В. Баулин указывает, что поощрить означает «содействием, сочувствием, наградой одобрить что-нибудь, возбудить желание сделать что-либо» [2, с. 81].

«Правовое поощрение – это форма и мера юридического одобрения добровольного заслуженного поведения, в результате чего субъект вознаграждается, для него наступают благоприятные последствия» [14, с. 138-146].

Некоторые авторы видят причину появления таких норм в необходимости борьбы с конкретными преступлениями, которые являются сложными для раскрытия и расследования. Поэтому они считают применение деятельного раскаяния компромиссом, на который государство вынуждено идти в целях обеспечения раскрытия этих преступлений. Вряд ли можно согласиться с тем, что поощрение является соглашением между преступником и государством в лице компетентных органов, на основе взаимных уступок. Противоречия между интересами лица и общества, лица и государства существовали давно и рассматривались многими учеными-правоведами, но при этом нельзя их отождествлять с добровольным отказом государства от осуждения лица, совершившего преступление, в пользу виновного: пойти ему на уступки означает дать послабление, приняв компромиссное решение.

Таким образом, определение преступления как уголовно-правового конфликта остается спорным. Конфликт (от лат. *konfliktus*) – столкновение противоположных взглядов; серьезное расхождение [9, с. 80-84].

Вряд ли можно согласиться с тем, что преступник, совершая убийство или кражу, имеет другой, отличный от общества и государства, взгляд на эти преступления. И то, что он противопоставляет свое поведение признанным нормам правомерного поведения, лишь говорит о том, что между правомерным и противоправным поведением он выбрал последнее.

Современная уголовно-правовая наука не дает определения и понятию компромисса. Некоторые ученые определяют компромисс как сотрудничество сторон, другие – как соглашение на основе взаимовыгодных уступок. Но такие точки зрения вызывают сомнение, поскольку примирение между правоохранительными органами и преступниками невозможно, тем более что это выглядит как попытка любой ценой уладить возникшее противоречие.

Целью введения в законодательство поощрительных норм о деятельном раскаянии является не только необходимость борьбы с уже совершенными преступлениями, но и предупреждение совершения новых преступлений, а также связанных с ними иных преступных деяний [17, с. 90].

На наш взгляд, законодатель, вводя в уголовный закон данные поощрительные нормы, конечно же преследует цели профилактики более тяжких преступных деяний и обеспечения раскрытия латентных преступлений, но прежде всего ставит задачи социальной переориентации правонарушителя: заглаживание им преступных последствий или добровольного заявления о совершенном преступлении. И уже с помощью его активных действий добивается раскрытия преступления и восстановления нарушенного преступными действиями правоотношения.

«Нормы о деятельном раскаянии имеют не ретроспективный, а перспективный характер: они направлены не на учет положительных обстоятельств, имевших место до преступления, а на побуждение лица после совершения преступления выполнить определенные поощряемые законом действия и учета этих действий» [6, с. 23-27].

Как и все поощрительные нормы, нормы, предусматривающие деятельное раскаяние, моделируют позитивные поступки субъектов уголовно-правового отношения и позитивные последствия этих поступков – разные виды поощрения. Их особенность в том, что адресат этих норм – лицо, совершившее преступление, не принуждается к совершению поощряемых действий, а именно к раскаиванию, возмещению причиненного вреда и тому подобное.

Поощрительные нормы таковы, что по своей сути выполняют стимулирующую функцию, даже если в начале преступления лицо не думает о юридических последствиях своего деяния или надеется избежать наказания. Действительно, может быть так, что лицо в момент совершения преступления не сомневается в правильности выбора своего противоправного поведения, однако после преступления, под влиянием жалости к потерпевшему, сочувствия к его

родственникам, потрясения от результата совершенного деяния, его отношение к содеянному кардинально меняется. Поэтому государство дает лицу возможность загладить последствия преступления и доказать своим поведением, что оно осуждает и сожалеет о случившемся. Известно, что «...лучше предупреждать преступления, чем наказывать за них. Это составляет цель любого хорошего законодательства ...» [5, с. 85].

Поэтому большое значение на современном этапе развития общества уделяется поощрительным уголовно-правовым нормам, отвечающим принципам гуманизма и справедливости [16, с. 121].

Данные нормы регулируют уголовно-правовые отношения, порождаемые не фактом совершения преступления, а постпреступным поведением виновного. Поэтому, как верно отметил И.М. Гальперин, конструкция так называемых охранительных норм, регулирующих отношения, возникающие вследствие совершения преступления, не пригодна для таких целей [3, с. 65].

Уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 75 УК РФ, как поощрительная имеет ряд особенностей.

Во-первых, она имеет особый смысл. Ее отличительная черта заключается в том, что лицо, к которому может быть применена данная норма, юридически не принуждается к совершению поощряемых действий, и, следовательно, их невыполнение не влечет для нее неблагоприятных последствий уголовно-правового характера. Наоборот, другой адресат этих норм – правоохранительные органы, при наличии одобряемого поведения лица обязаны применить поощрение [19, с. 81].

По своему характеру норму, предусмотренную статьей 75 УК РФ, следует считать исключительной. «Исключительными принято называть нормы, которые решают вопрос иначе, чем общая и специальная норма, норма-часть, норма-целое. Если какая-либо норма о преступлении свидетельствует о необходимости привлечения к ответственности, то исключительная, напротив, – о непривлечении к таковой» [16, с. 121].

Во-вторых, поощрительные свойства норма приобретает только благодаря социальной полезности одобряемого ею поведения, указанной в законе. Только четко выраженное в законе одобряемое поведение позволяет вообще ставить вопрос о признании данной нормы поощрительной.

В-третьих, своеобразной является структура данной уголовно-правовой нормы. Под структурой понимается единство, система необходимых, особым образом взаимосвязанных элементов, то есть внутреннее строение элементов, связанных между собой.

Норма права призвана регулировать общественные отношения, определяя надлежащее или разрешенное поведение участников отношений в определенных ситуациях. До настоящего времени нет единого мнения по поводу трехэлементной или двухэлементной структуры нормы права. Например, двухэлементная структура рассматривается в таких вариантах: гипотеза и диспозиция, диспозиция и санкция, гипотеза и санкция и тому подобное.

Сторонники трехэлементной структуры нормы права считают, что диспозиция, в отличие от гипотезы и санкции, определяет именно конкретное правило поведения. В соответствии с изложенным Ю.В. Баулиным пониманием уголовно-правовой нормы, суд подчиняется режиму публичного права, согласно которому ему разрешено делать то, что предусмотрено УК, а остальное – запрещено, что влечет изменение взглядов на структуру уголовно-правовой нормы, «отсюда вытекает, что каждая уголовно-правовая норма состоит из двух элементов: гипотезы и диспозиции, которую иногда называют санкцией» [2, с. 81-85].

Не до конца решенным в теории уголовного права остается вопрос и о структуре поощрительных норм. В частности, это относится и к структуре поощрительной нормы, которая определяет освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

В правовой науке наиболее распространенной признается структура правовой нормы, состоящая из гипотезы, которая формулирует условия применения нормы, диспозиции, которая предполагает само правило поведения, и санкции – той меры государственно-правового действия, которая применяется в случае несоблюдения указанного правила поведения.

Как отмечалось, норма, предусматривающая освобождение от уголовной ответственности, является разновидностью поощрительных уголовно-правовых норм. Поощрительный характер этой нормы заключается в том, что она устанавливает основание для безусловного и обязательного освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление.

Как и все правовые нормы, данная норма имеет свою структуру. Общеизвестны три составляющие элемента, которые принято выделять в уголовно-правовых нормах, регулирующих постпреступное поведение: диспозиция – модель запрещенного, требуемого или разрешенного поведения; санкция, которая указывает на уголовно-правовые последствия определенного диспозицией поведения; гипотеза – описание условий, при которых поведение субъекта будет иметь уголовно-правовое значение и при которых наступают уголовно-правовые последствия.

Таким образом, поощрительная норма об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием устанавливает обязанность суда освободить лицо от уголовной ответственности, что определяет её императивный характер. Именно императивный характер поощрительной уголовно-правовой нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием позволяет избежать возможных злоупотреблений. Способствует такой ситуации и четкое установление в поощрительной норме основания для освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, исключающим необходимость оценки судом ее положительных качеств, а также лишает такого субъекта права на уголовно-правовое поощрение, превращая это право в обязанность.

Существует мнение и других ученых, которые отмечают, что в структуру поощрительной уголовно-правовой нормы входят два элемента – гипотеза и санкция. Представляется, что в этом вопросе следует согласиться с Ю.В. Баулиным, который утверждает, что выделение санкций в поощрительных нормах не имеет смысла. По его мнению, поощрительной санкцией предлагали называть ту часть правовой нормы, которая определяет правовые последствия выполнения лицом положительного содержания диспозиции этой нормы [2, с. 197]. Учитывая такую позицию (о двучленности какой-либо уголовно-правовой нормы), можно установить, что между поощрительной санкцией и диспозицией нормы различия не существует. Таким образом, структура поощрительной уголовно-правовой нормы двучлена и состоит из гипотезы и диспозиции.

Иными словами, норма, определяющая освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, состоит из двух взаимосвязанных частей. Первая часть описывает в обобщенном виде ситуацию, условия, факты, на которые распространяется ее действие, а вторая – указывает на последствия, то есть на права и обязанности, которые наступают в том случае, если есть те условия, которые указаны в первой части. Первая часть в норме имеет название гипотезы, а вторая диспозиции.

Гипотеза нормы о деятельном раскаянии заключается в указании на то, что преступление, совершенное лицом, должно быть небольшой тяжести, и, лицом, которое впервые совершило такое преступление, также должны быть осуществлены действия по осуждению своего преступного поведения и заглаживание вреда (возмещение и т. п.), поэтому гипотеза этой нормы носит сложный характер. Так, согласно ст. 75 УК РФ структуру нормы можно изменить так: «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести, если оно после совершения преступления искренне покаялось, активно способствовало раскрытию преступления и полностью возместило нанесенный им ущерб или устранило причиненный вред (гипотеза), освобождается от уголовной ответственности (диспозиция)».

Диспозиция уголовно-правовой нормы определяет правило поведения, права и обязанности субъектов уголовно-правового отношения, разрешенное и надлежащее поведение. Диспозиция нормы, предусматривающей поведение государственных органов (а точнее суда) при деятельном раскаянии лица, совершившего преступление, заключается в описании действий государственных органов, которые обязаны освободить лицо от уголовной ответственности.

Выводы. Таким образом, в структуре данной уголовно-правовой нормы гипотеза – это такая часть нормы, в которой называется преступление, за совершение которого лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности, то есть преступление небольшой тяжести, и положительные постпреступные действия, которые являются основанием для такого освобождения (искреннее раскаяние, активное содействие раскрытию преступления, возмещение нанесенного ущерба, или устранение причиненного

вреда); а диспозиция предусматривает обязанность государства освободить лицо от уголовной ответственности.

Следовательно, нормы уголовного права, регулирующие действия государства при деятельном раскаянии лиц, совершивших преступление, являются основой механизма уголовно-правового регулирования отношений, возникающих при освобождении лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Реализация данных норм происходит в рамках определенных правоотношений, вызываемых к жизни юридическими фактами.

Список литературы

1. Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права / Под ред. проф. М.И. Брайнина. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1978. – С. 87.
2. Баулин Ю.В. Освобождение от уголовной ответственности / Ю.В. Баулин. – Москва : Атика, 2004. – С. 81-85.
3. Гальперин И.М. Взаимодействие государственных органов и общественности по борьбе с преступностью / И.М. Гальперин. – Москва : Юридическая литература, 1972. – С. 102.
4. Голик Ю.В. Метод уголовного права / Ю.В. Голик // Журнал российского права. – 2004. – № 1. – С. 73-78.
5. Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел / В.А. Елеонский. – Хабаровск : ХВШ МВД СССР, 1984. – С. 39.
6. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Ендольцева. – Москва, 2005. – С. 23-27.
7. Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве: монография / И.Э. Звечаровский. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2009. – С. 76.
8. Кабалкин А.Ю. Социально-экономические права советских граждан (в отраслях права цивилистического профиля) / Отв. ред. В. М. Чхиквадзе; АН СССР, Ин-т государства и права. – Москва : Наука, 1986. – С. 104.
9. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.08. – Самара, 2001. – С. 80-84.
10. Корольков А.А. О понимании нормы в биологии и медицине / А.А. Корольков // Философские вопросы современной биологии. – Москва, 1966. – С. 78.
11. Краткая философская энциклопедия. – Москва : А/О «Издательская группа «ПРОГРЕСС», 1994. – С. 129.
12. Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система / Н.М. Кропачев. – СПб : Санкт-Петербургский гос. Ун-т, –1999. – С. 154.

13. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность: монография / В.Н. Кудрявцев. – Репр. изд. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. – С. 86.
14. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2004. – С. 138-146.
15. Мироненко С.Ю. Социально-правовая природа и понятие некорыстной насильственной преступности / С.Ю. Мироненко, Н.С. Мироненко // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – Вып. 18. – Донецк : ДЮА, 2021. – С. 102-111.
16. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть / А.В. Наумов. – Москва : Волтерс Клувер, 2008. – С. 121.
17. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу / Под ред. С.С. Ятенко. – Москва : А.С.К., 2002. – С. 90.
18. Полянский Н.Н. Проблемы судебного права / Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, В.М. Савицкий. – Москва, 1983. – С. 28.
19. Сабитов Р.А. Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершение им преступления и вынесения ему приговора: монография / Р.А. Сабитов. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – С. 81.
20. Филатов А. Практика применения судами ст. 391 Основ Уголовного законодательства / А. Филатов // Социалистическая законность. – 1978. – № 7. – С. 16-19.
21. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов / А.Ф. Черданцев. – Москва : Юрайт-М, 2002. – С. 79-84.

УДК 343.9

**Н.С. Мироненко, аспирант, Донбасская юридическая академия
(г. Донецк)**

(e-mail: nikita_mironenko@mail.ru)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье проводится анализ основных направлений деятельности органов внутренних дел по предупреждению насильственной преступности. Акцентируется внимание на том, что предупреждение преступлений является составляющей деятельности всех служб и подразделений органов внутренних дел, а не отдельной организационной структуры. Это – главный аспект всех направлений работы органов внутренних дел, который объективно не может объединяться в отдельном органе, подразделении или службе.

Ключевые слова: органы внутренних дел, преступность, предупреждение преступности.

Mironenko, N.S.

THE MAIN DIRECTIONS OF PREVENTION OF VIOLENT CRIME BY INTERNAL AFFAIRS BODIES

The article analyzes the main activities of the internal affairs bodies for the prevention of violent crime. Attention is focused on the fact that crime prevention is a component of the activities of all services and divisions of the internal affairs bodies, and not a separate organizational structure. This is the main aspect of all areas of work of the internal affairs bodies, which objectively cannot be combined in a separate body, division or service.

Key words: *internal affairs bodies, crime, crime prevention.*

Актуальность. При всей сложности криминогенной обстановки в начале тысячелетия органам внутренних дел удалось стабилизировать ситуацию в борьбе с преступностью, начать реформирование своих структур. Однако на этом фоне происходит отставание государственно-правового контроля над преступностью, а ее опасный уровень требует активного курса на предупреждение преступлений. В то же время пока не сформирована надежная система предупреждения преступности, несовершенной является ее законодательная основа, а применяемые средства не всегда эффективны. А потому все это требует создания надежной научно-практической основы, совершенствования форм, методов и мер профилактической деятельности.

Анализ научных исследований. Вопросы, связанные с разработкой проблем предупреждения насильственной преступности, исследовались в трудах ученых: Г.А. Аванесова, А.А. Герцензона, В.А. Глушкова, В.В. Голины, В.К. Грищука, Н.А. Гуторовой, Л.М. Давыденко, И.Н. Даньшина, П.С. Дагеля, А.И. Долговой, А.Э. Жалинского, А.П. Закалюка, В.П. Емельянова, В.К. Звирбуля, А.Ф. Зелинского, Н.И. Коржанского, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, И.П. Лановенко, А.Б. Сахарова, В.В. Сташиса, В.Б. Харченко, Л.В. Франко и других специалистов. В многочисленных трудах по уголовному праву и криминологии рассматривались общие вопросы теории предупреждения преступности, отдельных ее видов (в том числе насильственной), наработан значительный массив рекомендаций и предложений по этой проблематике.

В то же время деятельность органов внутренних дел в современных условиях требует принципиально нового подхода относительно своих основных функций, при этом концептуальным является уровень реализации главного назначения – обеспечение надежной охраны законных прав и интересов человека, общества и государства.

Целью исследования является комплексное изучение проблем по предупреждению насильственной преступности органами внутренних дел с позиций современных достижений криминологической науки.

Изложение основного материала. Особая роль государства в работе по противодействию и предупреждению преступности обусловлена природой его социального назначения, поскольку оно имеет в своем распоряжении принудительные и другие средства и методы борьбы с преступностью и

обязанность защищать своих граждан от противоправных посягательств. Государство и общество должны максимально сдерживать преступность, пресекать ее наиболее разрушительные тенденции, нейтрализовать причины и условия, которые порождают преступность [4].

Для этого органам внутренних дел (далее – ОВД) предоставлены соответствующие полномочия, их сотрудники получают профессиональную подготовку для решения задач по предупреждению и пресечению преступлений. Они имеют наиболее полную информацию о преступности и в соответствии с компетенцией способны оказывать влияние на значительную часть причин и условий преступности.

Однако практика организации и осуществления профилактических мероприятий ОВД в течение длительного времени имела серьезные недостатки. Опыт реализации этой функции, численные эксперименты, организационные и функциональные преобразования не дали ожидаемых результатов. В некоторых регионах профилактические меры сокращаются, показатели предупреждения преступности ухудшаются.

Попытки создать профилактическую службу, ее постоянная реорганизация, переход от одного подразделения к другому, накопление управленческого персонала, отсутствие четких полномочий объективно не дали ожидаемых результатов, не смогли выработать эффективные формы профилактической деятельности, породили отвлечение внимания, в первую очередь, участковых уполномоченных полиции от конкретных дел.

В начале 90-х годов прошлого столетия началось сворачивание предупредительной деятельности органов внутренних дел, а в дальнейшем – фактический распад устоев социального контроля, воспитания и правового просвещения населения. Ростки системы, которая требовала развития и модернизации, были разрушены, в основном, по объективным причинам, связанным с началом переходного периода к рыночным отношениям. При этом вместо существовавшей системы предупреждения преступлений ничего нового создано не было [1, с. 238]. Вследствие этого был существенно ослаблен профилактический потенциал государства, возникла опасная полоса отчужденности между органами внутренних дел и населением.

Указанные сложности в работе ОВД обусловлены и тем, что предупреждение и пресечение преступлений иногда выходит за пределы компетенции отдельных подразделений, поскольку они выполняют в сфере правоохранительной деятельности разнообразные функции.

Органы внутренних дел должны учитывать реалии в экономике, политике и праве, особенности изменений в правосознании значительной части населения в условиях осложнения криминогенной обстановки. Изменения форм и видов преступлений, появление организованных преступных группировок, совершение ими тяжких преступлений способствовали распространению правового нигилизма, неуверенности в целесообразности обращения для защиты

в органы внутренних дел, снижали адекватную оценку общественно опасных посягательств в сознании из людей.

Необходимость совершенствования профилактической деятельности органов внутренних дел требует: решения организационно-штатных вопросов; «профилизации» и специализации ведомственного образования; внедрение в региональные и местные целевые программы меры по укреплению общественного порядка; разработки «Концепции совершенствования деятельности органов внутренних дел по профилактике преступлений»; разработки научно-практических рекомендаций по предупреждению отдельных видов преступлений; внесение изменений и дополнений в законодательство об административных правонарушениях в части расширения прав участковых, работающих в сельской местности; разработки проекта новой «Инструкции по организации деятельности участковых» с определением задач и функций, форм и методов их работы с учетом положительной практики, повышения их роли и ответственности за состояние профилактической работы; периодическое освещение в средствах массовой информации положительных форм и методов работы участковых; проведение ежегодных конкурсов профессионального мастерства участковых; изучение передового опыта профилактической деятельности участковых [2].

Предупреждение и пресечение преступлений остается одним из главных направлений деятельности органов внутренних дел в борьбе с преступностью, поскольку обеспечивает выявление и устранение ее причин и условий. Такая важность предупреждения преступности определяется тем фактом, что криминогенные факторы наиболее подвержены влиянию, когда они еще не набрали силу, находятся в состоянии зарождения, и поэтому их легче устранить. В то же время арсенал средств и методов предупреждения преступности позволяет пресечь преступную деятельность, которая находится на стадии приготовления к преступлению или уже началась, но не привела к наступлению общественно опасных последствий для общественных отношений. В конце концов, какими бы высокими ни были показатели раскрываемости преступлений, более высокий уровень их предупреждения и пресечения остается гораздо более важным для общества.

Предупреждение преступлений дает возможность решать задачи борьбы с ними наиболее гуманными средствами, без применения мер правового воздействия и, в частности, механизма уголовного принуждения. Система предупреждения преступлений требует возрождения и укрепления связи между правоохранительными органами и населением на новой добровольной основе, укрепления доверия со стороны населения.

Предупреждение преступности выступает как разновидность индивидуальной профилактики, которая осуществляется, среди прочего, оперативными службами путем добровольного отказа соответствующих лиц от совершения преступления. В профилактической работе самостоятельное значение имеет предупреждение уже начатого, но неоконченного преступления,

которое осуществляется, в зависимости от ситуации, всеми службами и подразделениями ОВД.

Службы и подразделения Министерства внутренних дел должны предметно заниматься организацией предупредительной деятельности как непосредственно сами, так и через подведомственные им структуры. При этом основными их функциями являются: определение приоритетов, целей и задач; формирование нормативно-правовой основы предупреждения преступлений; координация предупредительной деятельности субъектов низшего уровня, оказание им необходимой методической и практической помощи; планирования и разработка предложений к общегосударственным и региональным программам борьбы с преступностью и другими правонарушениями, реализация в пределах своей компетенции этих программ; информационное, материально-техническое, финансовое, кадровое обеспечение субъектов низшего уровня предупредительной деятельности; осуществление контроля за их работой.

Особое место в деятельности органов внутренних дел занимает индивидуальная профилактика преступности, то есть целенаправленная работа с конкретными лицами, имеющими отклонения от норм поведения, которая осуществляется на основе сочетания социального контроля, воспитания и помощи. Индивидуальные профилактические меры, применяемые органами внутренних дел к этим лицам, включают: профилактический учет, профилактическую беседу, профилактическую помощь, привлечение их к административной или уголовной ответственности. Однако, при выявлении и пресечении преступлений, сотрудникам органов внутренних дел иногда препятствуют обстоятельства, носящие субъективный характер. Иногда сотрудники ОВД, столкнувшись с преступным деянием, дают ему неверную правовую оценку, тем самым позволяя преступнику избежать уголовной ответственности и постановки на профилактический учет [3, с. 84].

Приоритетными направлениями индивидуальной профилактики являются: профилактика, предупреждение и пресечение преступлений со стороны несовершеннолетних; устранение факторов, способствующих росту рецидивной преступности; осуществление профилактических мероприятий в отношении лиц, не имеющих жилья, постоянной работы и источников дохода [5].

При решении этих задач органы внутренних дел проводят индивидуальную профилактику в отношении лиц, которые неоднократно совершали серьезные нарушения общественного порядка, в связи с чем к ним ранее применялись меры административного воздействия; выражали намерение совершить тяжкие или особо тяжкие преступления; регулярно употребляли наркотические средства или другие одурманивающие вещества; освобождены из мест лишения свободы после отбывания наказания за тяжкие или особо тяжкие преступления; освобождены из специальных учебных или медицинских учреждений; подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений

средней тяжести, тяжких или особо тяжких, если уголовное дело прекращено по не реабилитирующим обстоятельствам.

Органы внутренних дел, осуществляя индивидуальную профилактику, должны в полной мере использовать превентивные возможности закона, в частности, обеспечивать неотвратимость уголовной ответственности и наказания за преступления; своевременно и адекватно реагировать на административные правонарушения, которые могут перерасти в уголовно наказуемые деяния; активно использовать административно-правовые средства и методы воздействия на криминогенные факторы, а также в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством принимать меры по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Профилактическая деятельность органов внутренних дел, традиционно проводимая, в основном, в отношении преступников, должна быть в значительной степени направлена на виктимную профилактику, которая направлена на то, чтобы помочь людям избежать риска стать жертвами преступлений. Статистика преступлений содержит подробную информацию о подозреваемых, обвиняемых и осужденных, но практически отсутствует анализ информации о жертвах преступлений. Это сознательно отвергает необходимость профилактического воздействия на миллионы людей – потенциальных жертв преступлений. В то же время следует использовать различные средства и методы для устранения ситуаций, которые характеризуются риском причинения вреда потенциальным жертвам (распространение предупреждений с советами о том, как не стать жертвой преступления; помощь в охране квартир, транспортных средств, другого имущества; разъяснительная работа с родителями, сотрудниками детских учреждений, лицами из группы повышенного риска и т.п.); меры по обеспечению личной безопасности потенциальных жертв преступлений (формирование личной защиты, предоставление средств индивидуальной защиты, обучение самообороне, борьбы с преступниками), а также другие меры виктимологической профилактики.

Органам внутренних дел следует поддерживать и развивать сотрудничество с представителями различных политических партий и движений, религиозных конфессий, средств массовой информации, продвигать традиционную (добровольные народные дружины, пункты охраны общественного порядка, советы по профилактике и т.д.) и создание новых общественных структур превентивной направленности.

При этом не стоит навязывать населению готовые формы участия в работе по предупреждению преступлений, а стимулировать, поощрять, развивать общественную активность, основанную на естественном стремлении людей объединиться с целью защитить себя, своих детей и близких от преступных посягательств. В связи с этим заслуживает внимания опыт предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений локальными общинами граждан, например, ассоциациями родителей и учителей по профилактике преступлений, совершаемых несовершеннолетними и в

отношении них; объединениями представителей малого бизнеса – против вымогателей; автовладельцев – против угона автотранспорта.

Необходимость реального повышения эффективности предупредительной деятельности органов внутренних дел обуславливает важность разработки особой системы стимулирования активного участия отраслевых служб в предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений. Этим целям может служить дополнение отчетности показателями, которые реально отражают работу служб и подразделений органов внутренних дел по предупреждению преступлений на стадиях их приготовления и покушения. Наконец, важно унифицировать нормативные положения, регламентирующие деятельность служб и подразделений по профилактике, предупреждению и пресечению преступлений в специальных учреждениях.

Приоритет превентивной функции в деятельности всех служб и подразделений органов внутренних дел должен быть установлен путем изучения показателей оценки деятельности соответствующих служб. При оценке деятельности конкретной службы или подразделения необходимо, прежде всего, проанализировать абсолютные показатели предупреждения и пресечения конкретных преступлений, а также то, как профилактические меры влияют на криминогенную обстановку в регионе или соответствующем секторе экономики, общественной жизни.

Основу деятельности полиции должна составлять программа профилактики преступлений, базирующаяся на основе реального анализа криминогенной обстановки, социально-экономических факторов и существующих сил и средств при непосредственной инициативе органов власти и самоуправления. В то же время, полиция общественной безопасности должна иметь свою сферу деятельности и специфическую программу действий, направленную в конечном итоге на повышение авторитета полиции в обществе. В системе общей профилактики полиция должна иметь постоянную возможность обращения к населению по радио, телевидению, в прессе и средствах наглядной агитации, в социальных сетях интернета и т.п. Такие обращения должны иметь информационный, разъяснительный характер, который включал бы в себя информацию относительно законодательства, разъяснения прав, обязанностей и действий полиции в соответствии с конкретной ситуацией, информацию о технических средствах охраны жилья, индивидуальных средствах защиты лиц, информацию для населения о современных проявлениях преступности и путях ее предупреждения, информирование населения о случаях совершения тяжких преступлений и результатах их расследования.

Направлением профилактической деятельности ОВД является исправление поведения граждан, отбывших уголовное наказание. В этом случае часто возникают вопросы, связанные с обеспечением жильем и трудоустройством. Сегодня практически отсутствует бронирование рабочих мест на предприятиях для лиц, отбывших срок наказания, или мест в

общежитиях для их проживания. Необходимо создать в крупных городах центры адаптации лиц, утративших социальные связи с обществом, и определить базовые предприятия для их трудоустройства.

Несмотря на все проблемы в обществе и государстве, между органами внутренних дел и населением должно расти взаимное доверие, формироваться каналы связей между отдельными подразделениями и службами органов внутренних дел и общественностью. Осуществлять научно-методическое обеспечение и обобщение опыта практической работы по профилактике преступлений в системе Министерства внутренних дел должны межрегиональные научно-методические криминологические центры, которые также будут решать следующие задачи: проведение научных исследований в области профилактики преступности; проведение криминологической экспертизы законопроектов и других нормативно-правовых актов; составление прогноза изменений в общественных отношениях и ослабление социальной напряженности; разработка новых методик, средств и методов предупреждения преступности; обобщение опыта практических подразделений и научное обеспечение их деятельности; изучение опыта других государств в этой сфере и поддержание контактов с международными криминологическими научно-исследовательскими учреждениями; научный анализ показателей уголовной статистики, тенденций состояния, структуры и динамики преступности и отдельных ее видов; разработка текущих и перспективных прогнозов по отдельным направлениям преступности; разработка специальных программ по координации профилактической деятельности подразделений и служб органов внутренних дел; разработка предложений по проектам нормативно-правовых актов относительно профилактики преступлений.

Успешное выполнение сложных и ответственных задач, стоящих перед органами внутренних дел, напрямую зависит от соблюдения личным составом требований законности и служебной дисциплины при исполнении служебных обязанностей, что обеспечивает надлежащую организацию и готовность сотрудников органов внутренних дел к поддержанию общественного порядка, общественной безопасности, предупреждению и пресечению о преступлении.

Одной из задач остается повышение эффективности ведомственной науки, внедрение ее результатов в практику правоохранительных органов, в частности, по предупреждению и пресечению преступности, усиление использования научного потенциала в практических целях, проведение научных исследований по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Деятельность органов внутренних дел по предупреждению и пресечению преступлений не имеет достаточного правового обеспечения, отсутствует законодательная база государственной системы социальной профилактики, четкая регламентация статуса субъектов и объектов предупредительного воздействия, их прав и обязанностей, санкций за их невыполнение, мер предупреждения, которые применяются. Ограниченными являются ресурсные возможности предоставления криминогенным и виктимным группам населения

помощи в бытовой сфере, организации досуга, привлечения населения к профилактической деятельности.

Существующая система оценки работы органов внутренних дел, их служб и подразделений ориентирована преимущественно не на предупреждение, а на раскрытие и расследование преступлений. Такая ситуация неизбежно приводит к увеличению количества последних.

При формировании системы предупреждения преступности органам внутренних дел следует использовать предыдущий положительный опыт, не заимствуя устаревшие элементы, избегая формализма, потакая количественным показателям и т.п. Система должна быть построена с учетом новых социально-экономических условий, характерных для криминогенной ситуации, а также соответствовать существующим демократическим ценностям.

Службы и подразделения Министерства внутренних дел должны заниматься организацией предупредительной деятельности как непосредственно сами, так и через подведомственные им структуры. Основными функциями такой деятельности являются: определение целей и задач; формирование нормативно-правовой основы предупреждения и пресечения преступлений; координация предупредительной деятельности субъектов низшего звена, предоставление им необходимой методической и практической помощи; планирование и разработка предложений и изменений в общегосударственных и региональных программах по борьбе с преступностью.

Выводы. Таким образом, подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы.

Предупреждение преступлений является составляющей деятельности всех служб и подразделений органов внутренних дел, а не отдельной организационной структуры. Это – главный аспект всех направлений работы органов внутренних дел, который объективно не может объединяться в отдельном органе, подразделении или службе.

Основу деятельности органов внутренних дел по профилактике преступлений должна составлять программа профилактики преступлений, базирующаяся на реальном анализе криминогенной ситуации. Полиция должна иметь свою специфическую программу действий, а также возможность постоянного обращения к населению по радио, телевидению, в печати, электронных средствах информации и средствах наглядной агитации для обратной связи.

В системе Министерства внутренних дел должны функционировать региональные научно-методические криминологические центры как основа объединения усилий практиков и ученых высших юридических заведений для повышения эффективности ведомственной науки, внедрение ее результатов в практику органов внутренних дел, в частности по предупреждению преступлений.

Список литературы

1. Бачинин В.А. Философия права и преступления / В.А. Бачинин. – Харьков, 1999. – 438 с.
2. Кондратюк Л.В. Криминологическое измерение / Л.В. Кондратюк, В.С. Овчинский. – Москва, 2008. – 272 с.
3. Мироненко С.Ю. Причины латентной преступности и ее негативные последствия / С.Ю. Мироненко // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – Донецк, 2020. – № 12. – С. 79-88.
4. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / Под ред. Иншакова С.М. – Москва, 2011. – 839 с.
5. Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: Учеб. пособие / Н.В. Щедрин. – Красноярск, 1999. – 58 с.

УДК 341.3

С.Ю. Мироненко, канд. юрид. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: mironenko-2009@mail.ru)

ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ

В статье проводится анализ зарождения и эволюции законов и обычаев, касающихся регулирования вооруженной борьбы. Акцентируется внимание на том, что моральные и другие социальные критерии о надлежащем и возможном поведении на войне дополняют правовые, способствуя тем самым гуманизации процесса вооруженной борьбы. Речь идет о совпадении моральных и правовых оценок методов, способов и средств ведения вооруженной борьбы.

Ключевые слова: война, вооруженная борьба, законы и обычаи, средства и методы.

Mironenko, S.Yu.

THE ORIGIN AND EVOLUTION OF THE LAWS AND CUSTOMS OF WAR

The article analyzes the origin and evolution of laws and customs concerning the regulation of armed struggle. Attention is focused on the fact that moral and other social criteria about appropriate and possible behavior in war complement the legal ones, thereby contributing to the humanization of the process of armed struggle. The author considers the coincidence of moral and legal assessments of methods, methods and means of conducting armed struggle.

Key words: war, armed struggle, laws and customs, means and methods.

Актуальность. Право является одним из компонентов системы нормативного регулирования общественных отношений. Всю совокупность норм, с помощью которых осуществляется общественное регулирование, называют социальными нормами. Социальные нормы осуществляют нормативное регулирование поведения субъектов путем установления действий

разрешенных или неразрешенных, осуществляют определение условий, при которых предусмотрено деяние разрешается или запрещается, определяются субъекты, на которых при определенных условиях распространяется правило поведения, которое установлено в той или иной нормой.

Анализ научных исследований. Исследованием международного гуманитарного права, в том числе законов и обычаев войны, занималось немало представителей международно-правовой науки, как отечественных, так и зарубежных. Рассмотрением правовых, философских, исторических и других вопросов, связанных с возникновением и развитием законов и обычаев войны, в той или иной степени в разное время занимались И.Н. Арцибасов, Ю.Я. Баскин, П.Н. Бирюков, Ф. Бюнъон, Э. Ваттель, Х.-П. Гассер, В.Э. Грабарь, Г. Гроций, А. Дюнан, С.А. Егоров, В.Ю. Калугин, Ф. Кальсховен, Ю.М. Колосов, И.И. Лукашук, П. Маланчук, Ф. Мулинен, Л. Оппенгейм, Ж. Пикте, А.И. Полторац, А.Н. Савенков, Л.И. Савинский, В.С. Семенов, Л.Д. Тимченко, О.И. Тиунов, Г.И. Тункин, А.И. Чучаев, Д. Шиндлер и другие. Однако вследствие своей исключительной многогранности исследование этой проблематики далеко не исчерпано.

Целью исследования является изучение возникновения и эволюции законов и обычаев, касающихся регулирования вооруженной борьбы.

Изложение основного материала. Характер и степень регулирующего воздействия на общественные отношения позволяют выделить в системе нормативного регулирования наряду с правом следующие группы социальных норм: моральные нормы, обычаи и традиции, корпоративные нормы, религиозные нормы.

Объединенные единой нормативной природой, социальные нормы характеризуются следующими общими чертами:

- являют собой определенный эталон, образец поведения, типичный и нормальный для данного времени и среды;
- определяют границы надлежащего и возможного поведения, служат ориентирами в выборе социально одобряемого поведения и одновременно являются средством контроля за этим поведением;
- формируются в процессе жизнедеятельности человеческого общества и в этом понимании неотделимы от своего носителя;
- преследуют достижение единых целей – обеспечение организованности и порядка в социальных отношениях [10, с. 112].

Наряду с законом, мораль доминирует в системе нормативного регулирования, и это приводит к устойчивой связи между ними. В морали, по сравнению с другими социальными нормами, существует самое широкое поле действия. Лишь небольшие области социальной действительности свободны от моральных оценок, поэтому сферы права и морали во многом совпадают. Моральные нормы – это социальные нормы, которые выражают общечеловеческие представления о добре, зле, гражданском долге, уважении, справедливости и несправедливости, чести и тому подобное. Они обладают,

прежде всего, силой общественного мнения, внутренней верой, способностью использовать общественное осуждение.

Без обращения к нормам морали невозможно понять значение многих терминов и словосочетаний, употребляемых в нормах права, таких, например, как «исключительный цинизм и жестокость», «жестокое обращение с военнопленными», «неповиновение» и тому подобное. Являясь приоритетными типами нормативного регулирования, право и мораль взаимно влияют друг на друга. Формула такого влияния может быть такова: право не должно закреплять в своих нормах и требовать выполнения аморальных поступков, а мораль не должна призывать к нарушению закона [10, с. 117-118].

В отличие от моральных норм, обычаи понимаются как исторически сложившиеся правила поведения, которые при многократном использовании становятся привычкой людей и таким образом регулируют их поведение. Традиции – это разновидность обычаев. Они также обусловлены привычкой, естественностью формирования и утверждения в сознании людей. Традиции, как правило, состоят из стиля поведения, а не из одного действия. Корпоративные нормы устанавливаются и применяются объединениями граждан. Особенности этого типа социальных норм заключаются в том, что они регулируют деятельность, обусловленную целями объединений граждан, и направлены на их достижение. Корпоративные нормы делятся на внутренние организационные нормы (в соответствии с которыми устанавливается структура организации, определяется компетенция ее органов, формы и методы работы, права и обязанности ее членов) и внешние нормы действия, которые регулируют отношения объединений с другими субъектами. Этические нормы устанавливают правила хорошего тона, которые должны соблюдаться при определенных обстоятельствах в человеческом обществе. Эстетические нормы устанавливают требования к внешнему виду и к внешнему проявлению определенных действий.

Формы общественного сознания нормативны в том смысле, что они подтверждают определенные цели, принципы, представления о надлежащих правилах поведения, об организации человеческого общества. Основная задача социальных норм, в том числе права (которое сложилось позднее других социальных нормативных систем и основано на них), заключается в содействии функционированию социальной системы путем упрощения взаимодействия ее субъектов, подчинения их социально необходимым моделям поведения.

Теоретики международного права включают в состав международной нормативной системы следующие подсистемы: международно-правовые нормы, политические нормы, мораль, традиции и обычаи, религиозные нормы, организационные и технические нормы [6, с. 138-139].

Концепция международного гуманитарного права, как и всего международного права, неразрывно связана с историей. Ни одно явление нельзя рассматривать вне его собственной истории. Изучение прошлого необходимо для понимания природы международного гуманитарного права, повышения его

эффективности и прояснения перспектив. Международное право уже давно развивается как отрасль права, регулирующая вопросы войны и мира в международных отношениях. До двадцатого века именно военные аспекты считались едва ли ни базовыми в науке международного права, возникшей главным образом как право войны. История международного гуманитарного права, как и международного права, недостаточно изучена. Многие специалисты справедливо отмечают, что должному научно-историческому анализу не подверглось даже такое известное явление как, например, движение Международного Комитета Красного Креста [7, с. 22].

Предлагается рассмотреть менее масштабную проблему – эволюцию законов и обычаев, касающихся регулирования вооруженной борьбы.

С. Нахлик и многие другие ученые начинали преподавать международное гуманитарное право по историческим аспектам возникновения норм права вооруженных конфликтов [8]. Становление права войны обуславливалось развитием морали, международного права, военной политики, военного искусства в человеческом обществе. Именно традиции, обычаи, политические, моральные и другие социальные нормы и факторы стали фундаментом международного гуманитарного права до его кодификации.

Уже на ранних стадиях развития человеческого общества вооруженные конфликты составляли постоянный элемент культуры и необходимый атрибут жизнедеятельности, разновидность борьбы по определенным правилам. С древности различались два вида вооруженных конфликтов:

1) участники вооруженной борьбы не признают своих противников людьми, деструктивный элемент поведения превосходит все остальные, война ведется на тотальное уничтожение без всяких ограничений и правил;

2) определенные нормы и правила борьбы признаются враждующими сторонами, а военная деятельность рассматривается как социокультурный элемент.

Проявления милосердия к раненому и врагу, просящему пощады, известны в древнейшие периоды человечества. Некоторые археологические исследования показали, что в эпоху неолита существовала практика оказания простейшей медицинской помощи раненым (исправление суставов, обработка ран и даже трепанация черепа).

Древняя африканская поговорка напоминает, что «человек сам по себе и хуже и лучше человека». Человек ведет войны, но в то же время стремится распространить на свое «право убивать» действие определенных правил. Известный африканский специалист в области международного гуманитарного права Нхойа Адаму Ндам отмечал, что в Африке военные действия начинались после уведомления о намерениях одной стороны начать войну и после сообщения о мотивах нападения [9, с. 19].

В древнем Египте так называемые «Семь деяний истинного милосердия» провозглашали необходимость похоронить погибшего в войне, освободить военнопленного, не причинять ущерба гостю, даже если он и враг [5, с. 36].

Военные действия начинались с объявления войны, так же предусматривалась неприкосновенность парламентариев, возможность перемирия, возможность подписания мирных договоров. Законы вавилонского царя Хаммурапи начинались со слов: «Я устанавливаю эти законы для того, чтобы не дать сильным покорить слабых» [11, с. 13].

В цивилизации хеттов существовали гуманные правила ведения войны. Они имели свод законов, основанных на принципах честности и справедливости. Они объявляли войну, щадили население городов, которое решило сдаться, и подписывали мирные договоры [11, с. 13].

Древнегреческие города-государства вели интенсивную дипломатическую деятельность, обменивались посольствами и заключали договоры о военной помощи. Получил развитие институт защиты иностранных граждан (проксения). Древняя Греция останется в памяти человечества как попытка построения общества на принципах разума и гармонии. Греческие храмы предоставляли собой убежище для спасения людей от варварского уничтожения. Но там зародилось также и противоречивое отношение к обычаям гуманного обращения. В Греции захваченный на войне пленник становился собственностью победителя.

Римляне имели определенные правила поведения в ходе ведения войны, регламентирующие объявление войны, заключение перемирия или мира, нейтралитет. Древние римляне утверждали, что война ведется оружием, а не ядом (*armis non veneno*). «Право народов» (*jus gentium*) как особая правовая система и многие общие принципы права получили свое развитие в период Римской империи. В то время возникает принцип соблюдения всех договоров (*pacta sunt servanda*) и различие между справедливыми и несправедливыми войнами. В войске римлян, прославившемся своей строгой военной организацией, каждый легион имел своего медицинского начальника. Римское естественное право (*jus naturale*) охраняло права всех римских граждан, права иностранных граждан (*jus gentium*), предоставляло определенную защиту тем, кто, не будучи римлянином, проживал в Риме. Народы враждебных государств считались вне закона, побежденные могли рассчитывать только на хорошее настроение римских военачальников. Последователи стоицизма в Риме выступили за замену тезиса «человек человеку волк» («*Homo homini lupus*») на принципиально новые: «жизнь человека священна» («*Homo homini res sacra*»), «страдающий враг – не враг» («*Hostes dum vulnerati fratres*») [11].

Законы Ману (1 век н. э.) – сборник положений о правилах поведения индийца в частной и общественной жизни в соответствии с религиозными догматами брахманизма и приписываемый мифическому прародителю людей – Ману, содержал определенные элементы гуманизма при ведении войн. Считалось недопустимым во время войны убивать детей, женщин и стариков, а также раненых, сдавшихся в плен лиц, парламентариев. Не подлежали захвату и уничтожению храмы и другие культовые сооружения и их охрана. В Законах Ману содержалось правило: «Когда воин сражается с врагами, пусть не убивает

врага ни вероломным оружием, ни зубчатыми стрелами, ни ядовитыми, ни имеющими наконечники, раскаленные в огне» [1, с. 43]. Законы Ману содержат определенный ряд положений, которые касаются ограничения жестокости на войне. В древней Индии было четко определено, что целью войны должна быть победа над вооруженными силами врага, а не уничтожение всего мирного населения. В частности, индусские классические эпосы «Махабхарата» (XII век до н. э.) и «Рамаяна» (II век до н. э.) указывают на недопустимость использования оружия для полного уничтожения даже в борьбе с «демонами». Воинам-кшатриям предписывалось разрешать противоречия между применением ненасилия и военным долгом в пользу последнего, но запрещалось убивать пленных и раненых, которых после выздоровления необходимо было отправить на родину. Эпос «ШукраНити» ставит условие, что «того, кто крайне утомлен, беззащитен, нагой, не вооружен, равнодушен к исходу боя, является сторонним наблюдателем в данном бою или сражается с другим врагом, не следует лишать жизни» [13, с. 149].

В средние века в Западной и Центральной Европе, в Азии получил широкое распространение свод моральных норм – рыцарский кодекс, который был составной частью воспитания воинов-феодалов. Под рыцарством следует понимать братство-союз воинов, который состоит из принятых в него с особыми церемониями членов с целью защиты феодалов, территории, церкви и всех беззащитных. Именно последний момент понятия рыцарства делает его интересным явлением с культурно-исторической и международно-правовой точек зрения [14, с. 178-179]. Комплекс морально-положительных черт, составляющих честь рыцаря, проявлялся и защищался публично, поэтому «судебному» или военному поединку как средству разрешения спора или способу защиты прав уделялась немалая роль. Существовало так называемое «кулачное право». Чаще всего поединок формально проводился «до первой крови», то есть его целью было не убийство, не истребление противника, а разрешение спора и защита собственной чести. Содержание рыцарского поединка составлял принцип: лучше пусть погибнет один воин, чем целое войско. По неписанным правилам рыцарской морали достойной является та победа, которая поднимает престиж полководца. Этого добивались не максимальным использованием военного превосходства, а наоборот сдержанностью, благородным обращением с противником. Таким образом, гуманизм возникал, прежде всего, из величайшего уважения к своей чести и благородству.

Кодекс поведения японских самураев Бусидо («путь воина») получил развитие с XII века в Японии и Китае. Он требовал преданности сюзерену, признания военного дела единственным занятием, достойным самурая. Согласно этому кодексу, воин-буси помимо служебных обязанностей имел определенные моральные обязанности. Философской и этично-моральной основой кодекса Бусидо стал синтез синтоистских, конфуцианских, буддистских идей. Учение Бусидо огласило семь догматов: справедливость и честность, героическая отвага,

доброта и сострадание, уважение, искренность, честь, верность и долг. Честь воина-буси составляла часть чести императора. Проявление человечности к слабым, раненым и побежденным считались достойными поступками, доказывались необходимостью и общественная ценность помощи раненым и побежденным. Пленных часто освобождали и позволяли поселяться в определенной местности. В целом кодекс Бусидо отражал концепцию пассивности, в соответствии с которой стоит всячески поддерживать мир, а к войне обращаться только для защиты страны. Ямага Соко (1622–1685), японский военный теоретик, считал, что важной целью стратегии является обеспечение гуманности, мира, общественного порядка, недопущение бессмысленных жертв. Полководец Огаю Сорай (1666–1728) писал, что человечность – это стержень военных операций, армия без чувства гуманности теряет единство. Поскольку основным законом войны является необходимость наказать зло и восстановить справедливость, то категорически запрещается применять неоправданное законом войны насилие, причинять вред детям, женщинам, старикам, разрушать могилы, отравлять воду и пищу, сжигать дома. Нобухиро Сато (1769–1850) разработал детальные правила поведения в отношении пленного и пришел к выводу, что право войны необходимо изучать военным стратегам и оно должно передаваться из поколения в поколение.

«Сложное понятие рыцарской чести стало одним из основных начал современной «космополитической этики» вообще, а в частности, оно оказало также самое благоприятное влияние и на область международной жизни, именно на область права войны» [14, с. 189]. Благодаря рыцарству в сознании людей была заложена мысль о том, что война должна вестись в соответствии с определенными правилами. Можно сказать, что рыцарство оказало влияние на право войны в части установления для комбатантов определенных запретов и ограничений, а не предоставлением каких-либо прав. Принцип рыцарства формулируется как отвергающий и запрещающий бесчестные средства, уловки или поведение. Понятие рыцарства имеет тройной аспект:

1) идеалы рыцарства требуют, чтобы с врагом, который сложил оружие, лишился средств защиты или сдался на милость победителя, или с больным, раненым, пленным вели себя достойным образом и не лишали его жизни;

2) рыцарство осуждает любую практику, приводящую к убийству стариков, женщин и детей, то есть лиц «ни в чем не повинных». Важной деталью является то, что рыцарство не только осуждает нападение на категорию лиц «ни в чем не повинных», но и призывает их защищать;

3) рыцарство запрещает вероломство и предательство, как недостойные деяния [11, с. 23; 14, с. 1-3].

В эпоху Петра I Россия начинает активизировать дипломатические отношения. Петр I считал, что договоры соблюдаются в силу чести данного слова, то есть в силу морали [6, с. 48-49]. А воинский устав Петра I 1716 года содержал гуманные положения, подробно регламентировал отношение русской армии к раненым и больным. Военнопленным разрешалось получать посылки,

письма, а пленных офицеров можно было отпускать «под слово чести» о том, что они не будут больше принимать участие в военных действиях; под страхом строгого наказания военным запрещалось грабить мирное население оккупированных территорий, разрушать исторические, культовые сооружения. Во время русско-шведской войны 1700–1721 гг. начало использоваться перемирие, белый флаг, другие обычаи войны, поощрялось гуманное отношение к пленным [16, с. 43, 63-65, 71, 79].

Густав II Адольф (Gustaf Adolf) король Швеции с 1611 года, полководец, ввел строгий кодекс военного права (Устав), по которому нарушения законов войны были отнесены к нарушениям военного права. Следует отметить, что эти правила в целом были вполне разумны, но из 115 статей, содержащихся в этом кодексе, только 7 относились к гуманным, они содержали: запрет на применение насилия в отношении женщин; запрет на уничтожение мирных городов огнем; запрет на разграбление церквей; запрет глумлений над ранеными [4].

Блаженный Августин (Augustinus Sanctus), христианский теолог и церковный деятель, разработал морально-правовую теорию «справедливой войны». Необходимыми ее условиями считались: справедливая причина для начала боевых действий (отражение нападения или восстановление справедливости); решение законного правителя о начале войны. Святой Августин утверждал, что «справедливая война – это война между грехом и справедливостью, и любая победа в ней, даже одержанная грешниками, есть унижение для побежденных, которые по Божьему приговору несут наказание за свои прегрешения». Блаженный Аврелий Августин в своем произведении «О граде Божием» указывает, что «по праву войны» победитель может убить побежденного, а если оставляет его живым, то только для того, чтобы сделать его рабом. «Если сражающийся враг и должен погибнуть, пусть это случится по необходимости, а не по твоей воле... Побежденный или пленный имеют право на сострадание».

Наряду с развитием доктрины «справедливой войны» начался процесс размытия концепции войны как справедливого деяния, осуждается агрессивная война, появляется концепция войны как ситуации, в которой важны права и обязанности, исходящие из гуманных пониманий, которые связаны с ведением военных действий [14, с. 13].

Нельзя не упомянуть о большом влиянии на международное гуманитарное право эволюции идей о правах человека. В философии стоиков впервые провозглашалось равенство всех людей. Завоевания Александра Македонского и Римской империи способствовали дальнейшему развитию и совершенствованию учения стоиков, которое затем объединилось с христианством, в соответствии с которым Бог создал людей равными. Естественное право средневековья и начала современной эпохи было пронизано этой идеей равенства, которая впоследствии стала основой американской и французской декларации прав человека. Могучий импульс в развитии концепции прав человека был придан французскими просветителями и Великой

Французской революцией 1789–1794 гг. В преамбуле декларации прав человека и гражданина 1789 г. провозглашалось: «невежество, забвение прав человека или пренебрежение ими являются единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств» [15, с. 207-208]. Великая Французская революция принесла в международные отношения идеи равенства, суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Получили развитие идеи о неотъемлемости основных прав и свобод человека.

Жан Жак Руссо (1712–1778), французский писатель и философ, точно определил международно-правовой характер войны и пришел к концептуальному мнению, что война должна быть ограничена только боевыми действиями между солдатами, что призвано исключить причинение вреда как гражданскому населению, так и гражданским объектам. Война – это отношения не просто между людьми, а между государствами, и гражданские люди становятся врагами случайно, не как человеческие существа и даже не как граждане, а как солдаты; не как жители своей страны, а как ее защитники. Если цель войны – уничтожение вражеского государства, то противная сторона имеет право истреблять его защитников, пока они держат в руках оружие, но как только они бросают его и сдаются – они перестают быть врагами и снова становятся обыкновенными людьми, чью жизнь не позволено никому у них отнимать [12, с. 156-158, 323]. Мы здесь видим предпосылки к разграничению лиц на комбатантов и некомбатантов, определение законных рамок применения насилия во время боевых действий и обоснование необходимости соблюдения прав человека даже на войне.

Уход за ранеными в середине XIX столетия осуществлялся на самом примитивном уровне и был во всех отношениях совершенно недостаточным. Возможно, худшим было то, что Наполеоновские войны начала столетия положили конец некогда существовавшей практике щадить полевые госпитали противника и уважать неприкосновенность его медицинского персонала и раненых. Это привело к тому, что нередко при приближении сил противника или даже при появлении слухов об этом, врачи и медицинский персонал оставляли полевые госпитали и, взяв с собой столько раненых, сколько позволял их примитивный санитарный транспорт, бросали других несчастных на произвол судьбы. Не всегда можно было рассчитывать на помощь раненым и со стороны местного гражданского населения: невозможно было точно угадать, каким будет исход боя, и тот, кто заботился о раненом солдате одной из воюющих сторон, шел на немалый риск: другая сторона могла признать его активным помощником врага. Пагубные последствия всех этих неблагоприятных факторов были широко известны. В своей книге «Воспоминание о битве при Сольферино» (1862) Анри Дюнан определил конкретные шаги, которые необходимо было предпринять, чтобы изменить положение к лучшему. Дюнан выдвигает две основные идеи-предложения: учредить в каждой европейской стране силами общественности организации для оказания помощи существующим военно-медицинским службам в выполнении задач при оказании помощи раненым; государствам

заключить договор, закрепляющий особые правила для этих обществ, то есть статус нейтральности, который способствовал бы работе этих организаций и являлся гарантией улучшения участи раненых [3]. Четыре гражданина Женевы присоединились к Дюнану чтобы воплотить эти смелые идеи в жизнь: генерал Гийом-Анри Дюфур, юрист Гюстав Муанье, врачи Луи Аппиа и Теодор Монуар. В 1863 году они основали Международный Комитет помощи раненым, который был более известен как «комитет пяти». По предложению этого Комитета швейцарское правительство решило организовать дипломатическую конференцию, которая состоялась в Женеве в августе 1864 года. Там представители 12 государств подписали небольшой (10 статей) международный договор, получивший название «Конвенция об улучшении участи раненых в действующих армиях» от 22 августа 1864 г. В 1880 году комитет пяти был переименован в Международный Комитет Красного Креста.

На сегодняшний день Международный Комитет Красного Креста, являясь нейтральной и независимой организацией, оказывает большое влияние на развитие современной системы международных отношений в области предотвращения и регулирования вооруженных конфликтов, защите жизни и достоинства людей, пострадавших от вооруженных конфликтов [2, с. 17].

Вывод. Таким образом, подводя итог изложенному, можно отметить, что право и мораль являются средствами нормативного воздействия на общественные отношения и несмотря на то, что оперируют различными оценочными категориями, находятся в диалектической связи. Именно в сфере вооруженных конфликтов эта связь особенно органична. Моральные и другие социальные критерии о надлежащем и возможном поведении на войне дополняют правовые критерии, способствуя тем самым гуманизации процесса вооруженной борьбы. Речь идет о совпадении моральных и правовых оценок методов, способов и средств ведения войны.

Список литературы

1. Баскин Ю.Я. История международного права / Ю.Я. Баскин, Д.И. Фельдман. – Москва : Международные отношения, 1990. – 204 с.
2. Беляева К.И. Роль и влияние Международного Комитета Красного Креста на формирование и развитие международного гуманитарного права / К.И. Беляева Н.А. Броварь, В.В. Загородний // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – Донецк, 2019. – № 11. – С. 9-18.
3. Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино / А. Дюнан. – Москва : МККК, 1995. – 64 с.
4. Енгрен К. Гуманитарное право в Военном кодексе, опубликованном в качестве декрета в 1621 г. королём Швеции Густавом II Адольфом / К. Енгрен // Международный журнал Красного Креста. – 1996. – № 11. – С. 485-487.

5. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка: международно-правовые, экономические и гуманитарные аспекты / Н.В. Жданов. – Москва : Международные отношения, 1991. – 214 с.
6. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: Учебник / И.И. Лукашук. – Москва : Бек, 1997. – 371 с.
7. Меран Ж. 125 лет «Международному журналу Красного Креста». Правдивая летопись / Ж. Меран // Международный журнал Красного Креста. – 1994. – № 1. – С. 21-33.
8. Нахлик С. Краткий очерк международного гуманитарного права / С. Нахлик. – Москва : МККК, 1984. – 60 с.
9. Нхойа Адаму Ндам. Африканская концепция. Международное гуманитарное право / А.Н. Нхойа. – Москва : МККК, 1993. – 64 с.
10. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – 2-е изд. – Москва : Юристъ, 1997. – 472 с.
11. Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права / Ж. Пикте. – Москва : МККК, 1994. – 128 с.
12. Руссо Жан-Жак. Трактаты / Отв. ред. А.З. Манфред. – Москва : Наука, 1969. – 704 с.
13. Сингх Н. Ядерное оружие и международное право / Под ред. О. В. Богданова. – Москва : Иностранная литература, 1962. – 351 с.
14. Таубе М. История зарождения современного международного права (средние века): В 2 т. – Харьков : Паровая Типография и Литография Зильберберг, 1899. – Т. II: Часть особенная. – XII – 364 с.
15. Черниловский З.М. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / З.М. Черниловский. – Москва, 1984. – 472 с.
16. Shafirov P.P. A discourse concerning the just causes of the war between Sweden and Russia: 1700 – 1721. – N.Y.: Oceana Publications, Dobbs Ferry, 1973. – XXII – 352 p.

УДК 343

Н.Л. Несвитайло, старший преподаватель, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: don_ur_academy@mail.ru)

В.М. Несвитайло, студент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: don_ur_academy@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В данной статье рассмотрены отдельные проблемы реализации уголовно-правовой ответственности за преступления экстремистской направленности, уделено внимание вопросам квалификации преступлений

данной категории, предложены меры по усовершенствованию законодательства в области борьбы с экстремизмом.

Ключевые слова: государство, законодательство, Уголовный кодекс, преступление, экстремистская деятельность, экстремистская направленность, общественная безопасность, ненависть, проблемы квалификации, уголовная ответственность.

Nesvitaylo, N.L.,

Nesvitaylo, V.M.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR EXTREMIST ACTIVITY

This article discusses the problems of implementing criminal liability for extremist crimes, pays attention to the qualification of crimes in this category, and proposes measures to improve legislation in the field of combating extremism.

Key words: state, legislation, Criminal Code, crime, extremist activity, extremist orientation, public safety, hatred, qualification problems, criminal liability.

Актуальность темы исследования. По мере укрепления и сплочения Русского мира усиливаются атаки внутренних и внешних неприятелей стабильного развития России, которая многовековой историей доказала свою уникальность в том, что сумела сплотить многонациональные народы на почве общих духовно-нравственных ценностей. Именно это единение в наши дни предопределяет высокий уровень интеграции русского общества.

Западноевропейские и американские противники стабильного развития Русского мира постоянно усиливают своё давление, направленное на подрыв духовных основ государственности России, в том числе с использованием методов и средств информационно-психологического воздействия как фактора социального манипулирования.

В качестве тревожной тенденции распространения радикальной идеологии экстремизма на территории Российской Федерации можно назвать события, связанные с проведением специальной военной операции на Украине, повышение активности «Исламского государства», других международных экстремистских организаций, а также факты насильственных проявлений расизма и ксенофобии внутри российского общества.

На расширенном заседании коллегии МВД России 17 февраля 2022 года Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что рост преступлений, связанных с экстремизмом, является серьезным сигналом, требующим всестороннего анализа, поэтому важно своевременно оценивать риски возможных экстремистских проявлений и на этой основе выработать эффективные превентивные меры.

Таким образом, вопрос о способах противодействия преступным проявлениям экстремизма является одним из наиболее насущных в современном российском обществе, и некоторые законодательные нормы права нуждаются в усовершенствовании.

Власть Российской Федерации осознает, что «экстремизм ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную целостность, создает реальную угрозу основ конституционного строя, межнационального и межконфессионального согласия» [6].

В статье 2 Конституции Российской Федерации закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства [1].

Пункт 5 статьи 13 Конституции предусматривает категорический запрет экстремистской деятельности, а именно: запрещено создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни [1].

Изложенные нормы и определенные международные договоры, ратифицированные Россией, выступают основанием для формирования юридической правовой базы, предусматривающей ответственность за совершение правонарушений экстремистской направленности.

Вместе с тем, в силу своей многогранности и сложности, проблема реализации уголовно-правовой ответственности за преступления экстремистской направленности предопределила ключевое направление данной статьи, целью которой является всестороннее изучение темы правомерной квалификации преступлений экстремистской направленности и, как следствие, привлечения виновных к конгруэнтной уголовной ответственности.

Анализ научных исследований. Проблемы экстремизма во всех своих проявлениях, а также отдельные аспекты противодействия экстремистской деятельности являлись предметом научных исследований отечественных ученых, таких как: Р.А. Адельханян, А.И. Алексеев, М.М. Бабаев, А.И. Гуров, И.И. Карпец, М.П. Киреев, М.А. Краснов, Н.Ф. Кузнецова, Р.Э. Оганян, В.А. Плешаков, П.Г. Пономарев, В.А. Тишков и многих других.

В научных трудах названных авторов содержатся важные теоретические и практические исследования и выводы, способствующие законному противодействию преступности экстремистской направленности.

В то же время, вследствие многообразия разновидностей экстремизма (национальный, политический, социальный, религиозный, экономический, духовный и др.), единого международного понятия экстремизма на сегодняшний день не существует.

В разных государствах и в разные времена было дано много научных и юридических определений экстремистской деятельности. В некоторых странах, так же как и в России, основные правовые нормы противодействия деяниям экстремистской направленности закреплены в конституциях.

Изложение основного материала. Российское законодательство однозначно трактует, что права одних людей не могут ущемлять либо ограничивать права других, провозглашая преступной и уголовно-наказуемой любую деятельность по распространению ненависти, дискриминации и превосходства определенных групп общества по национальным, религиозным, расовым признакам.

Правовое противодействие организованной экстремистской деятельности является важнейшим компонентом в системе мер национального и международного характера, детерминирующих базовые направления правоприменительной деятельности в сфере противодействия организованному экстремизму и, как следствие, организованному терроризму.

Согласно статье 15 Федерального Закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, за осуществление экстремистской деятельности подлежат граждане России, иностранные граждане, а также лица без гражданства [2]. В то же время, международные нормативно-правовые акты в части противодействия преступлениям экстремистской направленности декларируют недопустимость определённых действий, но не конкретизируют их принципы. Они могут быть как уголовно-правовыми, так и иными, в том числе административно-правовыми.

Национальный законодатель определяет перечень преступлений экстремистской направленности, исходя из принципов криминализации, при этом не нарушая конфигурации международно-правовых нормативных актов, в том числе ограничивающих свободы слова и дискуссии.

В России основное нормативное понятие экстремизма даёт Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Статья 1 закона указывает, что экстремистской деятельностью можно не признать тринадцать обособленных деяний, ответственность за которые предусматривается нормами Уголовного кодекса РФ и Кодекса об административных правонарушениях РФ:

– насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами;

– публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

– возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

– пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

– воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

– совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте "е" части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

– использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии;

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг [2].

Это говорит о многоликости экстремизма и его опасности в своих крайних проявлениях, когда создается угроза единству общества и территориальной целостности государства, что может перейти в сепаратизм или терроризм.

Подобную логику трансформации экстремизма отмечают такие исследователи, как Э.М. Агаджанян, Г.В. Алексеев, Е.Э. Ганаева, В.П. Кириленко, С.В. Борисов.

Вместе с тем, согласно пункту 2 Примечания к статье 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации преступлениями экстремистской направленности признаются противоправные деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части и пунктом «е» части 1 статьи 63 УК РФ [4].

Многогранное толкование понятия «экстремизм» в научных трудах и исследованиях, в том числе произвольное сужение этого понятия, и нередко привнесение в него не присущих экстремистской деятельности свойств, придает ему неопределённости, что не лучшим образом сказывается на восприятии и понимании социальной опасности экстремистской деятельности.

В российском законодательстве, на наш взгляд, понятие преступлений экстремистской направленности, является собирательным, и включает в себя следующие уголовно наказуемые деяния: 1) убийство (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ); 2) умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ); 3) умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ); 4) умышленное причинение легкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ); 5) побои (п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ); 6) истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ); 7) угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 119 УК РФ); 8) хулиганство (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ); 9) вандализм (ч. 2 ст. 214 УК РФ); 10) надругательство над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ) [4].

В то же время, такие статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, как: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ); организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ), организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ), а также вовлечение несовершеннолетнего в преступление, которое совершается по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (ч. 4 ст. 150 УК РФ), выступают в качестве неправомерных деяний, создающих условия для совершения преступлений экстремистской направленности [4].

По нашему мнению, уголовно-правовое понятие экстремизма по содержанию должно совпадать с нормативно-законодательным понятием преступлений экстремистского характера, что говорит о необходимости урегулирования законодательства в части внесения изменений в статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» об исключении ссылки на административные правонарушения, как на проявления экстремизма.

Относительно статьи 280 Уголовного кодекса Российской Федерации, – понятие экстремистской деятельности (экстремизма) можно сузить за счет исключения административных правонарушений, а также преступлений, относящихся к террористической направленности, так как публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма образуют отдельный состав преступления, предусмотренный статьёй 205.2 УК РФ [4].

Нередко совмещение различных понятий и явлений – экстремистской деятельности (экстремизма) и террористической деятельности (терроризма) вызывает искусственную конкуренцию Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и Федерального закона «О противодействии терроризму» [2, 3].

Таким образом, возникает вопрос, почему законодателем в качестве основной меры наказания за совершение преступлений экстремистской направленности предусмотрен штраф либо значительно меньший срок лишения свободы (например, статья 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», статья 282.1 «Организация экстремистского сообщества»), чем за преступления террористической направленности (например, статья 205.4 УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем»), где санкция предусматривает лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет, в то время когда последствия экстремистский уголовно-наказуемых деяний могут иметь масштаб результата совершения террористического акта [4].

Многогранность экстремизма говорит о том, что на сегодняшний день невозможно применить к нему простые и однозначные решения.

Это затрудняет предварительное расследование и дальнейшее судебное разбирательство по уголовным делам данной категории, а также позволяет опытным защитникам использовать правовые пробелы и законодательную неопределённость с целью освобождения от уголовной ответственности или переквалификации деяний на преступления меньшей тяжести.

В результате, цели наказания – исправление осужденного и предупреждение совершения им новых преступлений, предусмотренные ч. 2 ст. 43 УК Российской Федерации, не достигаются, а у субъектов преступлений создается ощущение безнаказанности за совершенные противоправные деяния.

Этим также пользуются так называемые руководители экстремистских организаций, вовлекая молодёжь в экстремистскую деятельность на «идейной» основе.

На наш взгляд, необходимо ужесточить ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности, поскольку штраф, как один из самых генерализованных видов ответственности за данную категорию преступлений, не может строго повлиять на сознание субъекта преступления.

Далее, предлагается из статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» исключить условия проявления

террористической деятельности, а также излишние взаимные ссылки данных нормативно-правовых актов, чтобы каждый из них имел характерные для него практики правового регулирования.

Кроме того, в содержание понятия преступлений экстремистской направленности (экстремизма) следует включить однозначные признаки, определяющие ненависть либо вражду, которые придадут данному составу преступления легитимность во внешнем своем проявлении. В то же время, данные признаки должны быть связаны с национальной (этнической), расовой либо религиозной принадлежностью.

Наряду с понятием «экстремизма», требует более детального изучения вопрос систематизирования уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности.

Проблемным положением являются некоторые противоречия между законодательной и правоприменительной практикой в части оценивания степени общественной опасности преступлений экстремистской направленности на уровне санкций и фактического наказания. Так, некоторые статьи Уголовного кодекса Российской Федерации об уголовно-наказуемых общественно опасных деяниях экстремистской направленности предполагают немало оценочных суждений о составах этих преступлений, что нередко усугубляет предварительное расследование и осложняет дальнейшее судебное разбирательство по уголовным делам.

В целом следует отметить снижение раскрываемости данных преступлений, так как уголовный процесс по делам о преступлениях экстремистской направленности достаточно сложный.

Судебная практика показывает, что уголовные дела о преступлениях экстремистской направленности зачастую прекращаются по основаниям ст. 25 УПК РФ («Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон»), а если все же выносится обвинительный приговор, то назначается более мягкое наказание [7].

Таким образом, правовые пробелы позволяют опытным защитникам добиваться переквалификации преступлений на нормы о деяниях меньшей тяжести либо освобождения от уголовной ответственности в полной мере.

Принимая во внимание, что объективная сторона преступлений экстремистской направленности не имеет точной интерпретации и квалифицируется по таким признакам, как возбуждение вражды или ненависти, унижение человеческого достоинства в форме публичного оскорбления по национальности, расе, религии и т.д., на наш взгляд, в каждом случае должна учитываться субъективная сторона деяния. Именно мотив экстремистского характера (политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы) должен являться основным (либо квалифицирующим) признаком уголовно-наказуемых экстремистских действий.

Выводы. Исходя из вышеизложенного, очевидно, что уголовная ответственность является самой строгой мерой наказания за совершение противоправных деяний экстремистской направленности.

Рассмотрение уголовно-правовых норм законодательства Российской Федерации в части реализации на практике полноты уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности позволяет высказать предположение о том, что в России не в полной мере решены проблемы, связанные со стопроцентным обеспечением общенациональной безопасности.

Пути устранения этих проблем должны быть последовательными и системными, они не должны носить фрагментарный характер. При этом усовершенствование законодательства в области борьбы с экстремизмом и реализации уголовно-правовой ответственности за преступления экстремистской направленности должно осуществляться на основе строгого соблюдения общих принципов уголовной ответственности, критериев криминализации правонарушений, а также проверенных практикой правил законодательного структурирования нормативно-правовых документов.

Таким образом, предлагается на законодательном уровне в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» определить единое понятие преступления экстремистской направленности (экстремизма) с содержательной стороной квалифицирующих признаков, характеризующих объем понятия такого уголовно-наказуемого деяния, исключив при этом условия проявления террористической деятельности.

Вместе с тем, предлагается ужесточить уголовную ответственность за экстремистскую деятельность с целью реализации её соразмерности тяжести совершенного преступления.

В рамках данного исследования нами выделены отдельные проблемы реализации уголовной ответственности за экстремистскую деятельность. Для сведения к минимуму таких проблем целесообразно дальнейшее систематическое совершенствование уголовного законодательства.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 23.02.2023).
2. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939> (дата обращения: 23.02.2023).
3. Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23522> (дата обращения: 26.02.2023).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9555> (дата обращения: 27.02.2023).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17643> (дата обращения: 06.03.2023).
6. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555> (дата обращения: 13.03.2023).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 03.11.2016 г. № 41, 20.09.2018 г. № 32, 28.10.2021 г. № 32). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8255/>.
8. Горбатый Р.Н. Подрывная деятельность как угроза национальной безопасности: проблема отсутствия законодательного закрепления / Р.Н. Горбатый // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2019. – №11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.google.com/viewerng/viewer?url=http://donbassla.ru/sites/default/files/documents/vestnik_dyua_11_23.12.2019.pdf (дата обращения: 28.02.2023).
9. Саморока В.А. Судебная практика по рассмотрению уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности / В.А. Саморока // Электронный научный журнал «Вестник Московского университета МВД России». – 2014. – №3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-praktika-po-rassmotreniyu-ugolovnyh-del-o-prestupleniyah-ekstremistskoy-napravlennosti> (дата обращения: 28.02.2023).
10. Субботин С.М. Актуальные проблемы преступлений экстремистской направленности / С.М. Субботин. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 52. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/394/87333/> (дата обращения: 03.03.2023).

УДК 340.11.16

П.И. Павленко, канд. юрид. наук, доцент, Донецкий национальный университет (г. Донецк)

(e-mail: pavelpavlenko77@yandex.ru)

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ В РОССИИ

В статье исследуется проявление деформационных, нигилистических идей относительно понимания права в условиях исторического развития российского общества и государства. Анализируются мнения, идеи, мысли и представления о праве, которые отражали негативное отношение отдельных социальных групп и их представителей к действующему в определённые исторические эпохи праву. В процессе исследования автором установлено, что при анализе деформации правосознания в России как социального явления необходимо учитывать экономические, политические, социально-культурные, идеологические и другие факторы, которые помогут более детально разобраться в природе данного явления и устранить причины его формирования, развития и изменения. Понимание внутренней природы деформации также поможет избежать появления новых причин и условий развития этого негативного явления, что будет способствовать «взрослению» правосознания в обществе и, как следствие, практической реализации принципа верховенства права.

Ключевые слова: общественное правосознание, деформация правосознания, правовой нигилизм, социально-культурные традиции понимания права.

Pavlenko, P.I.

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEFORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN RUSSIA

The article explores the manifestation of deformational, nihilistic ideas regarding the understanding of law in the conditions of the historical development of Russian society and the state. The opinions, thoughts and ideas about the law are analyzed, which reflected the negative attitude of individual social groups and their representatives to the law in force in certain historical epochs. In the course of the research, the author found that when analyzing the deformation of legal consciousness in Russia as a social phenomenon, it is necessary to take into account economic, political, socio-cultural, ideological and other factors that will help to understand the nature of this phenomenon in more detail and eliminate the causes of its formation, development and change. Understanding the internal nature of deformation will also help to avoid the emergence of new causes and conditions for the development of this negative phenomenon, which will contribute to the «maturation» of legal awareness in society and, as a result, the practical implementation of the rule of law principle.

Key words: public legal consciousness, deformation of legal consciousness, legal nihilism, socio-cultural traditions of understanding law.

Актуальность темы исследования. Актуальность проблемы деформации правосознания очевидна. Проблема формирования правосознания вообще, а также появление деформации является важной частью не только правовой науки. Анализ данной проблематики имеет под собой социальные, культурные, политические, а также психологические корни. Актуализации подвержена не только стадия появления деформации, а и другие стадии, показывающие развитие, трансформацию в связи с возникающими социальными, политическими, экономическими факторами, перехода из пассивного в активное состояние, формирования правового поведения под влиянием деформации. В связи с этим, анализ исторического развития этого социального феномена даёт возможность разобрать его внутреннюю сущность и найти выход из острой социальной проблемы.

Постановка проблемы. Вопросы появления и трансформации деформации правосознания, как и одной из тяжёлых форм отрицания права – правового нигилизма, интересуют ученых и практиков продолжительное время. Отрицание права и системы правил поведения в обществе всегда оказывало негативное влияние на развитие и функционирование общества, особенно когда российское государство находилось в тяжёлой ситуации. Сегодня, учитывая тот факт, что Российская Федерация находится в сложной внешнеполитической ситуации, которая непосредственно влияет на общественное настроение внутри страны, изучение и анализ общественного правосознания является актуальной и своевременной задачей. Полное и всестороннее изучение проблемы деформации правосознания даст возможность определить систему новых мер, направленных на устранение негативного, отрицательного понимания права, что поспособствует укреплению роли права в государственном строительстве.

Анализ научных исследований. Вопросам исследования исторического аспекта деформации правосознания в российском обществе посвящены работы многих отечественных ученых, таких как В.К. Бабаева, А.А. Валицкий, С.И. Захарцев, И.А. Кацапова, Н.И. Матузов, А.Е. Маховиков, А.М. Смирнов, В.А. Туманов, О.Ю. Шмелева и др.

Выделение нерешённых проблем. Многие важные вопросы, касающиеся деформации правосознания в России, не получили достаточного освещения в статье в виду многообразия и сложности исторических условий существования правового нигилизма. Также не нашла своё отражение в работе специфика правового нигилизма, свойственная различным нациям, национальностям и народностям, проживающим в различных регионах Российской Федерации. Многие предложения и рекомендации даны в постановочном виде, поэтому исследования исторических аспектов деформации правосознания будут продолжены с учётом специфики истории народов, населяющих Российскую Федерацию.

Цель исследования: провести исторический анализ социального феномена и формы деформации правосознания – правового нигилизма для

определения причин и условий его появления, а также его влияния на общество и государство.

Изложение основного материала. Негативная форма отечественного правосознания, которая является объектом исследования научной статьи, по мнению большинства исследователей (А.Е. Маховиков, В.А. Туманов, Н.И. Матузов, С.И. Захарцев), имеет свою историческую обусловленность, она выступает закономерным явлением и следствием деятельности политических элит, которые не редко на протяжении всей истории России использовали насильственные методы управления обществом и государством.

Как отмечает ведущий научный сотрудник НИИ Федеральной службы исполнения наказаний России А.М. Смирнов, у нашего общества всегда были предпосылки для деформации правосознания, связанные с большими размерами территории, державными и хозяйственными государственными задачами, национально-религиозным составом и прочим [8, с.144-145]. В связи с данным обстоятельством правовой нигилизм выступает компонентом отечественного архетипа вместе с такими чертами сознания как этатизм, коллективизм и патернализм.

С момента образования древнерусского государства имели место попытки формирования подданнической модели взаимоотношений между властью и обществом и уход от вассально-сеньориальных отношений, основанных на двусторонней системе обязательств (Владимир Мономах, Андрей Боголюбский).

Формирование подданнического типа отношений, императивного характера права, распространенность внеправовых методов решения споров – все это происходило в период политической и даннической зависимости русских княжеств от Монгольской империи. В это время было уничтожено вече как оплот народовластия, вассально-дружинные отношения ввиду распространения практики выдачи ярлыков заменялись подданническими, исчезло представление о необходимости баланса прав и обязанностей. В дальнейшем общество, включая политическую элиту, придерживалось соглашательской тактики в отношениях с высшей инстанцией, права и свободы как правило не завоевывались субъектами политического процесса, а даровались правителями. Православная церковь также не была институтом ограничения политической власти, а напротив – считалась оплотом верховной власти, так же, как и в странах Западной Европы, где аналогичная роль принадлежала католической церкви.

Действие указанных факторов привело к тому, что государство заняло в общественной жизни России доминирующее положение. Оно не только не выросло из общества, а наоборот – развитие общества происходило под жестким контролем государства. Кроме этого, патерналистская традиция, которая всегда была присуща российской истории, культуре и политическим процессам, также вносила свои коррективы в формирование образа правосознания, как с положительной, так и отрицательной стороны [6, с.111].

Следствием всего вышесказанного явилось то, что характерной чертой отечественного политического сознания стало противопоставление закона и совести, или, как писал митрополит Иларион Киевский, закона и благодати [5]. В России, исключая редкие периоды ослабления центральной власти, не существовало отношения к праву как к нормам, которые выработаны самим обществом для разумного и добровольного ограничения произвола. Право рассматривалось исходящим от государства в лице верховного правителя. Примат нравственного, христианского сознания над правовым, а также уверенность в том, что власть все равно не будет соблюдать правовые нормы, были характерной чертой российского общества.

Скептически недоверчивое отношение к правовым нормам также подпитывалось формально-популистским характером нормативных актов, несовершенством судебной системы и связанными с этим судебной волокитой, взяточничеством, умением чиновников обходить закон и трактовать его в свою пользу. Подобные факты злоупотреблений и нарушений нашли свое подтверждение в народных письмах во власть в разные хронологические промежутки времени. Они свидетельствуют о произволе помещиков при разрешении имущественных и поземельных споров, минуя судебные инстанции, об обходе закона в вопросах размежевания земли, и прочем [10, с.250].

Для истории Российского государства характерно наличие противоречивых тенденций в среде творческой интеллигенции в ее отношении к государственной политике и праву. С одной стороны, зарождение и развитие интеллигенции было непосредственно связано с государством, его деятельностью, связанной с созданием творческой элиты, появлением писателей, поэтов, музыкантов, художников, поддерживающих власть. Их деятельность также благоприятно действует на формирование правосознания, а с ним правовое поведение, и как следствие – правопорядка. Однако в отечественной истории развития общества наблюдается и негативное отношение определенных кругов интеллигенции к нормам права и правопорядку. Так, славянофилы высказывали утверждения, отрицающие значение норм права для жизни общества, которое, по их мнению, предпочитает духовную жизнь и внутреннюю правду, чем отличается от стран Запада с его внешней формой и вексельной честностью [9, с. 32-33].

При формировании российского правового сознания в целом также наблюдались проблемы не только сословно-культурного, но и территориального характера. Так, С.И. Захарцев указывает, что многие народы входили в состав Российской Империи на добровольных началах, однако непременным условием такого вхождения было требование жить по российским законам, обычаям и традициям, которое в целом выполнялось. Однако стоит отметить разумную политику России, которая состояла в том, что, завоёвывая новые страны и включая их в состав империи, местные правила, традиции, обычаи и другие культурные ценности сохранялись. Таким образом, формировалось государственное образование, где ни одна из культур не исчезала, не

происходило унификации культур в том значении, как это происходило в Европе в период становления национальных государств, когда исчезали многие этносы и этнические культуры. В итоге такого сохранения ценностей в России формировалось иногда противоречивое объединение культурных традиций, и в том числе, разное отношение к законам и нормам права [3, с. 14].

Это подразумевало под собой сложности при установлении единой правовой регуляции и правового сознания. Справедливость в данном случае считалась своеобразной компенсацией за отсутствие единого и слаженного правового пространства. Народное сознание разделяло законы на справедливые и несправедливые, соответственно те, которые считались несправедливыми, не подлежали исполнению.

Следует также отметить, что на Руси достаточно сложно выделить правителя (царя, императора, самодержца), который бы своими управленческими методами не создавал неоднозначные, противоречивые ошибочные, непопулярные ситуации, которые были негативно восприняты обществом. Некоторые правители отличались особой жестокостью по отношению к своему народу. Это, например, Иван IV, названный за проводимую им политику Иваном Грозным. Его агрессивная политика была направлена не только на высшее сословие, но и на народные массы, о чем свидетельствует бойня в Новгороде, травля народа медведями для забавы, отдача опричникам на расхищение целых волостей и прочее. При этом опричник являлся телохранителем высокого положения, которому нужно было всегда и во всем угождать, а крестьяне подвергались произволу новых помещиков. При всяких опалах владельцев разорение постигало тех многих людей, которые были связаны с неудобными условиями жизни. Истории известно много примеров, когда царь, казнив бояр, посылал разорять их вотчины.

Политика русского царя и императора Петра I также носила негативные черты (появление бюрократии и коррупции при создании системы государственного управления, низкий материальный уровень армии и флота, появление новых увеличенных налогов, падение авторитета церкви), что оказало значительное влияние на отчуждение общества от государства и права. Государство во время его правления имело ярко выраженную полицейскую направленность, а чиновничий произвол переходил все возможные границы. Каждый, у кого в служебные обязанности входило взимание чего-нибудь в казну с простых людей, мог забрать у них что-либо для своей собственной выгоды. По итогам царствования Петра I наблюдалось резкое снижение моральных устоев общества, что с неизбежностью повлекло за собой рост преступности. В такой обстановке представители народа (городские жители и крестьяне) были беззащитны от произвола императора, его окружения, дворян и духовенства. В этих условиях в подобном обществе не могло сформироваться здоровое и нормальное правосознание. Данный факт отразился на историческом развитии общественного правового сознания в дальнейшем.

Известный писатель и мыслитель Лев Толстой, будучи известным моралистом, никогда не верил в силу и значение права, как позитивного, так и естественного, презирал его и ненавидел. Обучаясь на юридическом факультете Казанского императорского университета, утверждал: «Правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им, властвующим, выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено. Право государственное есть право отбирать у людей произведения их труда, посылать их на убийства, называемые войнами... Право гражданское есть право одних людей на собственность земли, на тысячи, десятки тысяч десятин и на владения орудиями труда, и право тех, у кого нет земли и нет орудий труда, продавать свои труды и свои жизни, умирая от нужды и голода, тем, которые владеют землею и капиталами». По его мнению, «жить надо не по закону, а по совести». Право Л.Н. Толстой называл «гадким обманом», а юриспруденцию – «болтовней о праве» [4, с. 21].

Отрицательное отношение Льва Толстого к праву является характерным признаком времени. Для писателя перед огромной задачей нравственного совершенствования умаляется скромная на первый взгляд роль правовой организации. Право он видит помехой, а не залогом нравственного прогресса. Это крайность, которая выступает, однако, одним из проявлений общего движения в сторону критики существующих правовых основ.

Что касается дефиниции данной проблемы, то следует отметить, что в России термин «нигилизм» впервые употребил русский учёный, критик и философ, профессор Московского университета Н.И. Надеждин в статье «Сонмище нигилистов», которая была опубликована в 1829 г. в «Вестнике Европы». Немногим позже, в 30-40-х гг. XIX в., его использовали Н.А. Полевой, С.П. Шевырев, В.Г. Белинский, М.Н. Катков и другие русские писатели и публицисты, употребляя данный термин в различных контекстах – как с положительным, так и с отрицательным оттенком. Так, М.А. Бакунин, С.М. Степняк-Кравчинский, П.А. Кропоткин видели в данном термине положительный контекст. Для них русский нигилизм показывал стремление народа к свободе, анархизму и революции. Во второй половине XIX в. нигилистами стали называть представителей радикального направления шестидесятников, которые выступали с проповедью революционного мировоззрения. Они отрицали официальные общепринятые каноны и устои общества – социальные (неравенство сословий и крепостничество), религиозные (православно-христианские традиции), культурные (официальное мещанство), а также проповедовали вульгарный материализм и атеизм.

Отличительной чертой российского нигилизма стала попытка в сфере осмысления социальных феноменов опереться на естественнонаучную теорию дарвинизма и перенести ее методологию на процессы общественной эволюции (человек – это животное; борьба за существование – как основной закон

органического мира; ценным и важным является торжество вида, а индивид – величина, не заслуживающая внимания). Рупором такого нигилизма в России начала 60-х гг. XIX в. становится журнал «Русское слово», ведущая роль в котором принадлежала Д.И. Писареву. При этом сам Писарев игнорировал термин «нигилизм», называя себя и своих единомышленников реалистами [2, с. 28-29].

Такое толкование нигилизма получило повсеместное распространение в связи с выходом в свет в 1862 г. романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Автор произведения представил нигилизм как отрицание не только права, но и морали. Нигилистами он считал молодежь своего времени, зараженную идеями позитивизма и социализма. Главный герой романа – нигилист студент Базаров – отстаивал мысль о том, что на тот момент уместнее всего отрицание, выступал с разрушительной критикой социального устройства, общественной морали, образа жизни господствующих слоев российского социума.

Писатель показывал в своих романах яркие образы бунтарей, не признававших и осуждавших многие постулаты окружающей их действительности и одержимых новыми идеями. Нигилизм носил революционный характер и был свойствен революционным демократам, резко критиковавшим современные порядки и призывавшим к замене их более справедливыми. Например, о своем Базарове сам Тургенев писал, что если его называть нигилистом, то должно подразумеваться – революционером.

В 1866 г. М.А. Бакунин в своих письмах к А.И. Герцену советовал ему искать активную молодежь среди учеников и последователей Чернышевского и Добролюбова, среди Базаровых, нигилистов – в них жизнь, энергия, честная и сильная воля [7, с. 18].

После этого для русской литературы характерной была целая гамма образов нигилистов от Рахметова и Лопухова в произведениях Чернышевского (здесь образы нигилистов-революционеров были описаны с большой симпатией) до явных антигероев в романах Достоевского, Писемского, Лескова и других. Во второй половине XIX в. термин «нигилизм» активно использовался правоконсервативной публицистикой, характеризуя представителей революционного народничества 1860-70-х гг. и русского освободительного движения в целом.

Обстоятельная характеристика социального, а с ним и правового нигилизма, который распространился в начале XX в. в определенных слоях русского общества, была дана в знаменитом сборнике «Вехи» 1908 года. В этом сборнике известные представители русской философской мысли показали бесперспективность нигилистических умонастроений, опасность абсолютного морализма, оторванного от историко-духовных и культурных корней.

Задача, которую поставили перед собой авторы сборника, была достаточно трудной, и состояла в оценке мировоззрения русской интеллигенции. Так, С.Л. Франк считал, что глубокий культурно-философский смысл судьбы

общественного движения последнего времени состоит в том, что он обнаружил несостоятельность мировоззрения и всего уклада русской интеллигенции.

В большей степени именно интеллигенция выступала носителем нигилистического мировоззрения. Естественно, что весьма значительным было нигилистическое влияние на русскую интеллигенцию взглядов Л.Н. Толстого. Русская интеллигенция ревностно впитала многие его нигилистические идеи и стала претворять их непосредственно в жизнь [1, с. 31].

Можно утверждать, что «Вехи» отражали положительную реакцию на правовой нигилизм отечественной интеллигенции. Они предлагали позитивную программу социального, экономического, политического развития, основанную на национально-духовных ценностях. Однако негативный момент также присутствовал в виде юридического позитивизма, который признавал в качестве правовых только нормы позитивного права и сводил любое право к нормам, не обращая внимания на то, справедливо это право для общества или нет.

Нигилизм в России представлял собой специфическую социально-психологическую установку, особый способ реагирования на разнообразные феномены жизни социума, отличался преувеличенной категоричностью и тотальностью отрицания. Главным образом, феномен нигилизма был характерен для крайне лево- и праворадикальных направлений. В леворадикальных и революционных кругах XIX в. нигилизм наиболее ярко проявился у публицистов «Русского слова» во главе с Д.И. Писаревым и в «анархистском» движении, в XX в. – в анархо-синдикализме и в таком антиинтеллигентском движении как «махаевщина» (В.К. Махайский).

Феномен правосознания и правового нигилизма в советское время был достаточно противоречив. С одной стороны, можно с определенной уверенностью говорить о правовом нигилизме во времена Октябрьской революции 1917 г. и последующей гражданской войны. С другой стороны, в 1960–1970 гг. уровень правосознания советских людей был весьма высок, подтверждением чему является низкий по отношению к США и Западной Европе уровень преступности и правонарушений, уважение к закону, возможность добиться справедливости благодаря правовым принципам и нормам советского законодательства.

Однако и в советское время буква закона не для всех имела равную силу: за одно и то же преступление могла быть применена различная мера наказания (или не последовать вовсе), в зависимости от принадлежности к партийной и политической элите, связей или должности лица, совершившего противоправные действия.

Помимо этого, укреплению правового нигилизма в массовом сознании граждан на рассматриваемом этапе общественного развития способствовали события перестроечного и постперестроечного времени, которые сопровождались появлением проблем в установлении рыночной экономики, появлением олигархических кланов, крахом плановой экономики и производства и сокращением социальной поддержки.

Основу отношений составляли преимущественно неформальные политические и экономические связи, но не конституционные и юридические нормы. Ситуацию также усугубила перестройка государственного политического аппарата, которая сопровождалась полным изменением политического и идеологического курса государства. По мнению большинства исследователей, демократические ценности, которые провозглашались государством на первоначальном этапе переходного периода – свобода, равенство, справедливость – оказались для большинства недостижимыми, а зачастую и фальшивыми. В итоге уровень правового нигилизма в начале 90-х годов XX в. в России был существенно высоким, политические, идеологические, социальные и экономические проблемы создавали условия для его формирования и укрепления.

Сегодня, в начале XXI в., российский юридический нигилизм представляется серьёзной проблемой как в теории, так и на практике. Устранение данного явления социальной и правовой жизни общества является сложной задачей, требующей усилий как со стороны представителей власти, так и со стороны народа.

По мнению автора, можно выделить три основные группы мер по преодолению причин правового нигилизма.

Первая группа – политико-правовые меры, которые непосредственно связаны с устранением факторов, препятствующих построению самобытного российского национального государства и права:

- эффективная целенаправленная правовая политика государства, показывающая верховенство основополагающих принципов права;
- упрочение законности и правопорядка, а также государственной дисциплины силами правоохранительного аппарата государственной власти;
- уважение прав и свобод личности и социальных групп (коллективов) и всемерная их защита;
- совершенствование законодательства, повышение качества правотворческого процесса;
- устранение коллизий между общефедеральными и региональными нормативными актами;
- создание и консолидация общего правового пространства, на основе общих тенденций в развитии общественного сознания и правопонимания;
- профилактика противоправных деяний.

Во вторую группу можно включить социально-экономические меры, к которым относятся:

- обеспечение материального экономического роста населения;
- стимулирование, в том числе материальное, отдельных категорий граждан;
- всестороннее развитие мер, направленных на защиту права собственности, материальной независимости граждан.

Наконец, третью группу образуют меры культурного, духовного, морального характера, которые должны включать в себя следующие составляющие:

- повышение уровня юридической культуры органов власти и населения, их правового, нравственного и юридического сознания;
- последовательное правовое воспитание и просвещение;
- активная правовая пропаганда;
- подготовка высококвалифицированных кадров юристов, их обучение не только основам позитивного, но и естественного права.

Выводы. Для формирования феномена правового нигилизма в отечественной культуре были исторические и социокультурные основания. В современной действительности по-прежнему существует возможность для воспроизводства нигилистических настроений относительно права. В правоведении и юридическом сообществе отсутствует общепринятое понимание истинной сущности и предназначения права. Только при признании самоценности права, что будет исключать его рассмотрение в качестве средства достижения определенных целей, в обществе могут быть достигнуты стабильность и разумный правопорядок.

Правовой нигилизм проявлялся в основном относительно формализованных правил поведения и практики их применения. Его устранение из отечественной социальной культуры предполагает формирование правосознания, которое синтезирует опыт мирового философско-правового наследия и ценностей национальной культуры, в которой неизбежно присутствует нравственная оценка норм права. Преодоление правового нигилизма – достаточно сложная и комплексная задача. Для ее решения на теоретическом уровне необходимо правильное теоретическое решение вопроса о регуляции общественной жизни правом и нравственностью.

Список литературы

1. Бацунов А.Н. Социально-философские истоки феномена юридического позитивизма. [Текст] / А.Н. Бацунов // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2010. – № 7 / том 6. – С. 31-34.
2. Валицкий А.А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX века. [Текст] / А.А. Валицкий // Вопросы философии. – 1991. – № 8. – С. 25-40.
3. Захарцев С.И. Правовой нигилизм в России. [Текст] / С.И. Захарцев // Мониторинг правоприменения. – 2015. – № 2 (15). – С. 12-20.
4. Корнев А.В. Правовой нигилизм: отражение его сущности, содержания и форм в литературе и юридической науке. [Текст] / А.В. Корнев // Lex Russica. – 2018. – № 1 (134). – С. 9-24.

5. Лушин А.Н. «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона: юридические и нравственно-религиозные аспекты. [Текст] / А.Н. Лушин // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 488-489.
6. Лях Н.А. Патернализм в России. [Текст] / Н.А. Лях // Россия и АТР. – 2002. – № 4 (38). – С. 111-123.
7. Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни. [Текст] / Н.И. Матузов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 4 (87). – С. 17-33.
8. Смирнов А.М. Феномен правового нигилизма в российском обществе и готовность граждан к внесудебным способам разрешения криминальных конфликтов. [Текст] / А.М. Смирнов // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2014. – № 3. – С. 143-146.
9. Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе. [Текст] / В.А. Туманов // Государство и право. – 2015. – № 8. – С. 32-41.
10. Шмелева О.Ю. Правовой нигилизм как атрибут российского политического сознания. [Текст] / О.Ю. Шмелева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 4. – С. 249-254.

УДК 378.147

И.П. Подмаркова, канд. экон. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: irina_podmarkowa@list.ru)

ЗНАЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

В современных условиях возникают новые задачи и требования к профессиональной деятельности юриста. Ему необходимо владеть новейшими информационными технологиями и математическими методами, а также знаниями в области: «цифровой юриспруденции»; ведения документации; электронного правосудия, адвокатуры, нотариата, юридических консультаций; работа с юридическими роботами и ботами; продвижение юридических услуг в интернете; работа в узкопрофессиональных сферах для выполнения конкретных задач.

Ключевые слова: *информационные технологии, информационное общество, профессиональная подготовка, цифровизация, цифровые технологии, высшее юридическое образование, юрист.*

Podmarkova, I.P.

THE SIGNIFICANCE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE LAWYERS

In modern conditions, new tasks and requirements for the professional activities of a lawyer arise. He needs to master the latest information technologies and mathematical methods, as well as knowledge in the field of: «digital jurisprudence»;

maintaining documentation; e-justice, advocacy, notaries, legal advice; work with legal robots and bots; promotion of legal services on the Internet; work in highly professional areas to perform specific tasks.

Key words: *information technologies, informatics, information society, education, professional training, digitalization, digital technologies, higher legal education, lawyer.*

Актуальность темы исследования. В наши дни цифровая трансформация постепенно затрагивает практически все сферы экономики и общественной жизни. В разных странах и на отдельных территориях процессы цифровизации проходят с разной скоростью и не одинаково распределены по сферам человеческой деятельности. Однако общая перспектива повсеместного применения цифровых технологий неизбежна, что, как следствие, приведет к коренным преобразованиям в обществе, в частности, в политике, экономике и юриспруденции.

Современный высококвалифицированный юрист должен владеть информационными технологиями для работы со справочными и информационными системами. Ему важно не только уметь оперировать статьями закона, но и обладать аналитическими способностями, системным мышлением, видеть взаимосвязи и выявлять закономерности в законодательстве и судебной практике. Только юрист-человек способен сформировать стабильную систему, которая может учитывать все особенности человеческой личности при защите прав и законных интересов человека, вынесения судебных решений и т.д. Роботы-юристы, область применения которых стремительно расширяется, могут быть лишь помощником для юриста-человека в решении рутинных и шаблонных задач [12, с. 57, 58].

Анализ научных исследований. Исследования роли и перспектив применения цифровых технологий в современной юридической деятельности проводились, в частности, такими авторами, как Л.А. Андреева [2], С.А. Воронцов и Ю.А. Мамычев [3], А.А. Терениченко и Е.Д. Шульга [12], А.А. Тыртышный [13]. Особенности профессиональной подготовки будущих юристов в условиях стремительного развития цифровых технологий рассматривались в публикациях Е.И. Елизаровой [5], О.К. Кремлёвой [7], В.К. Потёмкина [9], И.В. Смотровой [11] и многих других. Однако, в связи с тем, что как сами цифровые технологии, применяемые в юридической деятельности, так и их организационно-правовое обеспечение находятся в постоянном развитии, данное направление исследования не утрачивает своей актуальности.

Цель статьи – определить значение цифровых информационных технологий в процессе профессиональной подготовки будущих юристов в Российской Федерации, выделить основные направления трансформации юридического образования.

Изложение основного материала. Несмотря на то, что еще совсем недавно было довольно широко распространено мнение о том, что роботы-юристы в ближайшее время смогут вытеснить юристов-людей с рынка

юридических услуг, сейчас приходит понимание, что без участия человека деятельность в сфере юриспруденции невозможна. Как отмечают, «с технической, правовой и нравственной точек зрения недопустимо разрабатывать и тем более применять технологии оценки соответствия поступков нравственным, этическим стандартам, совести в условиях отсутствия общепринятого и достоверного понимания природы нравственности, этики, совести. Именно эти феномены имеют значение для разработки критериев эффективности правовой системы» [3, с. 15].

Как справедливо замечает В.В. Шульга, «воспитание студенчества в сегодняшних условиях требует новых идей, концепций, технологий, что связано с особенностями социально-экономической ситуации в нашем государстве: переоценкой ценностей, изменением приоритетов в иерархии престижных профессий, противоречивым отношением к образованию в условиях рынка труда, отсутствием четкой, адекватной современным условиям молодежной политики» [14, с. 199].

Стремительно происходящие преобразования в общественных отношениях обуславливают необходимость кардинальной перестройки системы высшего образования. «Научно-технический прогресс, использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в различных сферах деятельности человека предъявляют новые требования к подготовке будущих специалистов в условиях информатизации образования» [4, с. 178].

По словам Германа Грефа, в современном обществе цифровизация играет решающую роль, и поэтому юристам необходимо либо освоить новые технологии, понять, как работают нейронные сети и искусственный интеллект, либо распрощаться с профессией. Также существует мнение экспертов о том, что процесс цифровизации права и законотворчества – это алгоритмический процесс с четким набором указаний для его исполнения. Поэтому особое внимание в современных условиях следует уделять подготовке юриста новой формации [5, с. 98].

До недавнего времени в процессе подготовки юристов преобладала негласная концепция о том, что юрист должен знать прежде всего действующее законодательство и условия его применения, а обо всем остальном – философии, экономике, информатике, математике, психологии и т.д. – ему достаточно иметь только самое общее представление, поскольку к специалистам соответствующего профиля всегда можно обратиться за нужной информацией, то сейчас такой подход постепенно утрачивает актуальность [8, с. 124]. Однако даже до настоящего времени в профессиональной юридической среде нередко бытует мнение о том, что юристам математическая подготовка совершенно не нужна [5, с. 98].

Тем не менее, с учетом того, что «информационные и коммуникационные технологии стали частью современных управленческих систем во всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка» [1, п. 11], как отмечено

в Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», современному юристу, чтобы гарантированно быть востребованным на рынке профессиональных юридических услуг, уже необходимо владеть новейшими информационными технологиями и математическими методами.

В условиях роботизации и автоматизации актуальной представляется проблема эффективной занятости ввиду отмирания либо трансформации ряда профессий и сфер деятельности. Эта проблема касается и профессиональной юридической деятельности. Как отмечает В.К. Потемкин, найм высококвалифицированных работников предполагает не только готовность выполнять конкретный набор трудовых функций, но и способность к быстрой адаптации к новым задачам, а в идеале – прогнозирование таких задач и построение моделей их решения. Также работодатели заинтересованы в найме специалистов, понимающих производственно-технологические процессы, экономику маркетинга и логистики готовой продукции, налогообложения сбыта и, что особенно важно, обеспечивающих качество и скорость юридического сопровождения. Таким образом, современный работодатель желает нанять работника, обладающего мультидисциплинарными компетенциями, видящего весь цикл предприятия в целом и свое место в нём, нацеленного на наиболее эффективную работу всей организации [9, с. 25-26].

Повсеместное внедрение новых цифровых технологий, новых цифровых рынков, возникновение новых цифровых правоотношений требуют изменения подходов к подготовке не только специалистов в области собственно цифровых технологий, но и в сферах деятельности, связанных с правовым и экономическим обеспечением таких технологий. Уже сейчас цифровые технологии нуждаются в комплексной правовой поддержке на уровне регулирования их функционирования и применения. Цифровизация юриспруденции предопределяет развитие новых сопутствующих отраслей права. Прежде всего это касается информационного (цифрового) права, криптовалютного права, права цифрового государственного управления, монетарного права, защиты персональных данных, а также цифровизации практически всех отраслей права и направлений юридической деятельности.

Для подготовки таких универсальных, мультидисциплинарных специалистов могут быть востребованы новые мультидисциплинарные направления подготовки, например: юрист-менеджер, юрист-финансист, юрист-логист, юрист-маркетолог, сетевой юрист, юрист в сфере здравоохранения, адвокат по робоэтике, юрист по ДТП и т. д., при которых обучающиеся осваивают взаимоувязанный комплекс правовых, экономических (или других профессиональных), информационных и математических дисциплин. Такая узкоспециализированная подготовка представляется более перспективной и эффективной, чем получение будущим специалистом двух, трех или более высших образований разного профиля либо прохождения дополнительных

курсов, которые могут не в полной мере соответствовать конкретному профилю его профессиональной деятельности.

Тем не менее, длительное время подготовка юристов осуществлялась (и осуществляется сейчас в большинстве случаев) в рамках отраслевого деления – сферы административного, гражданского, уголовного права, теории государства и права, процессуальные направления и др. Перечисленные сферы считаются наиболее популярными в связи с наличием специалистов, которые могли бы преподавать дисциплины в соответствии с указанными программами. В то же время менее распространены программы подготовки в сфере финансового, налогового и таможенного права, международного, трудового, предпринимательского права, и пр. Они требуют не только присутствия в учреждениях высшего образования соответствующих специалистов, но и наличия в регионе потенциальных работодателей, которые обеспечили бы трудоустройство «узким» специалистам – выпускникам таких программ [15, с. 12].

В период становления цифрового общества самым первым этапом, как считает Л.А. Андреева, должна стать «цифровая юриспруденция», обеспечивающая как область правотворчества, так и процесс правоприменения», под которой автор понимает «широкое внедрение в правотворчество и правоприменение компьютерной техники, специального программного обеспечения и математических методов» [2, с. 32].

Изменение профессии юриста и характера правосудия специалисты связывают и с технологией legal tech, которая зародилась и начала активно внедряться в начале 2000-х годов в США. Legal tech специализируется на информационно-технологическом обеспечении юридической деятельности и оказании юридических услуг населению. Клиентские legal tech-сервисы, к которым относят различные конструкторы документов, чат-боты, веб-платформы для поиска юриста, юридические онлайн-консультации помогают сейчас миллионам людей решить свои юридические вопросы оперативно и недорого [11, с. 27]. С помощью legal tech в онлайн за считанные минуты можно составить договор и проверить его в доступной программе, получить консультацию профильного специалиста, решить судебный спор. Крупные фирмы решают при помощи искусственного интеллекта задачи электронного документооборота, юридической экспертизы контрактов, анализа доходов и расходов, обобщают статистику юридических дел. Юридические боты и роботы формируют ответы на запросы людей понятно и доступно, способны достаточно точно предсказать возможный результат рассматриваемого дела в суде, быстро подбирают необходимые нормативно-правовые акты и судебную практику по аналогичным вопросам.

Отмеченное означает, что первоочередным в развитии права на данный момент является перенос его модели в цифровую плоскость, что обеспечит перестройку всего механизма функционирования сферы юриспруденции. Уже сейчас происходит процесс цифровизации нормотворчества и правоприменения,

ранее созданная правовая система переводится на цифровые рельсы путем создания электронных баз данных, кодексов, генерации типовых судебных решений при помощи искусственного интеллекта и создании автоматизированной системы контроля судебной практики [16]. Цифровизация права способна систематизировать нормы права, относящиеся к какой-либо конкретной отрасли права, выявить возможные противоречия (коллизии) и облегчить возможности их устранения путем внесения соответствующих изменений в нормативно-правовые акты и/или отмены утративших актуальность правовых норм и нормативно-правовых актов.

Эксперты отмечают, что бизнес и государство заинтересованы в алгоритмизации правовых процессов и нормотворчества, что позволит снизить транзакционные издержки, повысить эффективность [6].

Экспертные опросы, проводимые в ведущих вузах и научных организациях, показывают, какие первоочередные меры требуются для снятия рисков, связанных с цифровизацией процессов в сфере юриспруденции:

- автоматизация юридических процессов;
- создание баз знаний и баз данных для различных сфер правового регулирования (бизнес, здравоохранение, судебная система, образование и т. д.);
- онлайн- и оффлайн-программные регуляторные платформы, в том числе с использованием блокчейн-технологий (нотариат, досудебное урегулирование споров, проведение экспертиз и т. д.);
- профессионализация провайдеров цифровых юридических услуг (выбор, квалификация, полезность и т. д.);
- социальная ответственность профессионального юридического сообщества – публикация алгоритмов решений, технологий, комплаенс-программ [10; 13, с. 365].

Также к перечисленным мерам следует добавить умение работать с юридическими роботами, ботами и специализированными программами, понимать алгоритмы их работы, а также умение продвигать свои услуги на собственном сайте и в социальных сетях и мессенджерах.

Таким образом, наиболее перспективные направления работы юристов в новых условиях можно объединить на рис. 1.

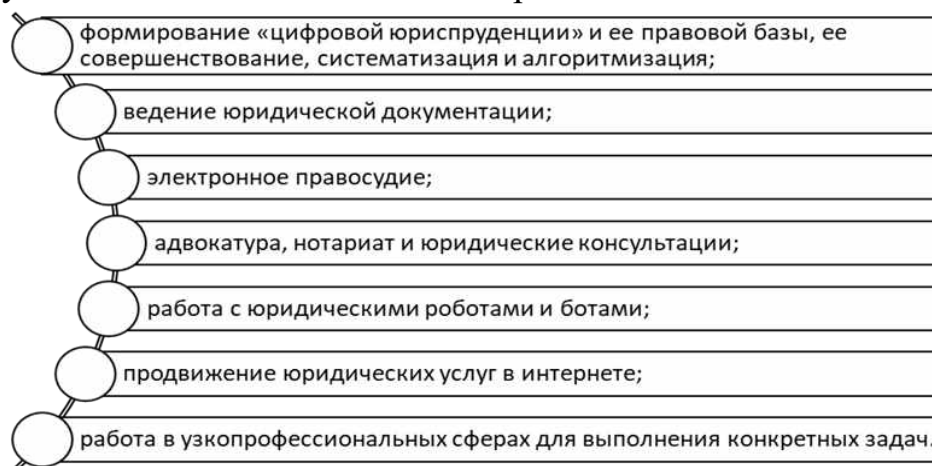

Рисунок 1 – Основные сферы профессионального применения юристов в новых условиях

Основными направлениями работы на пути к цифровизации юридической деятельности и обеспечения эффективной профессиональной подготовки будущих юристов с учетом современных требований представляются:

1. Определение потребностей общества в специалистах в разрезе профилей подготовки (специализации) и регионов.

2. Разработка соответствующих учебных планов и программ.

3. Кадровое обеспечение учебного процесса в соответствии с необходимыми профилями подготовки. В рамки данной задачи включается подбор, подготовка и/или повышение квалификации кадров, привлечение практических работников, а также овладение в обязательном порядке информационными и коммуникативными технологиями всем профессорско-преподавательским составом.

4. Учебно-методическое обеспечение, адаптированное для использования в интерактивном, в том числе в дистанционном формате; увеличение доли практико-ориентированных занятий и заданий, использование юридических симуляторов и прикладных программ [7].

5. Техническое обеспечение, что подразумевает прежде всего обеспеченность необходимой материально-технической базой (компьютерными классами) и современными технологиями и программными средствами, а также специалистов для их разработки и обслуживания.

И.В. Смотров [11, с. 28-29] отмечает ряд существенных проблем, препятствующих качественной и оперативной подготовке юриста для новой цифровой эпохи:

1. Цифровизация системы юридического образования, которая предполагает не только оцифровку документооборота, учебных и методических материалов и наличие высокоскоростного интернета. Требуется также обеспечить учреждения образования информационными системами, обеспечивающими доступ обучающихся к образовательным ресурсам с любых устройств, независимо от места нахождения и времени суток. Особенно это актуально в условиях дистанционного обучения.

2. Опережение теории практикой, что обусловлено недостаточностью или отсутствием фундаментальных исследований, учебной, методической и специальной литературы для подготовки юриста цифровой экономики. Учитывая высокую скорость изменения цифровых технологий, а также развития цифрового законодательства, появляющаяся литература также будет быстро устаревать.

3. Индивидуализация образовательной траектории, обусловленная утратой актуальности массовой подготовки юристов по единой программе. На первый план выходят персональные траектории обучения, которые будут

позволять обучающимся индивидуально выбирать способы и сферы формирования базовых компетенций цифровой экономики.

4. Непрерывное образование. В наше время стремительных перемен необходимо постоянно обучаться чему-то новому, формировать дополнительные к имеющимся компетенции. Юрист может как самостоятельно получать новые знания, так и периодически повышать свою квалификацию в направлениях, смежных с его профессиональной деятельностью.

5. Кадровое обеспечение учебного процесса. Педагогам в условиях цифровых реалий необходимо овладеть навыками электронного обучения, освоить современные IT-технологии, оперативно адаптироваться к изменениям, и постоянно обновлять и совершенствовать свои знания и навыки.

6. Цифровая грамотность, обеспечивающая эффективное использование интернет-ресурсов и цифровых технологий и повышающая конкурентоспособность профессионального юриста. Современный юрист должен уметь пользоваться такими высокотехнологичными инструментами как электронная подпись, электронный документооборот, смарт-контракты, криптоканалы, уметь автоматизировать юридические процессы и продвигать свои услуги в интернете.

Представляется очень вероятной ситуация, когда ввиду отсутствия оперативной связи между рынком труда и системой вузовского юридического образования будет осуществляться подготовка кадров, не востребованных цифровой экономикой.

Вузы должны ставить перед собой задачу давать студентам не только качественные фундаментальные знания, но и универсальные компетенции, обладание которыми могло бы не только облегчать адаптацию выпускников к полученной профессии, но и помогать самостоятельно и осмысленно строить свои индивидуальные профессиональные траектории в изменяющемся мире [3, с. 19].

Выводы. Таким образом, для реформирования системы высшего юридического образования с учетом реалий цифровизации требуется существенное изменение подходов к обучению при формировании и развитии компетенций в области информационных и коммуникационных технологий, математических и экономических (либо других дисциплин соответствующего профессионального профиля) дисциплин, использование мультидисциплинарного подхода в соответствии с относительно узкой специализацией, учитывающей конкретные цели и сферы задействования будущих выпускников. Также необходимо обеспечить качественный уровень подготовки преподавателей высшей школы и использование ими в своей деятельности современных образовательных технологий, соответствующих целям и задачам обучения студентов-юристов в цифровую эпоху.

Список литературы

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения 19.06.2022).
2. Андреева Л.А. К вопросу о «цифровой» юриспруденции / Л.А. Андреева // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. I Междунар. науч.-практ. конф. № 1(1). – Новосибирск : СибАК, – 2017. – С. 32-41.
3. Воронцов С.А. «Искусственный интеллект» в современной политической и правовой жизнедеятельности общества: проблемы и противоречия цифровой трансформации / С.А.Воронцов, А.Ю. Мамычев // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2019. – Т. 11. – № 4. – С. 9-22.
4. Дидактические возможности современных информационных технологий в подготовке специалиста-химика / Е.В. Береснева [и др.] // Интеграция образования. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 177-192. DOI: 10.15507/1991-9468.090.022.201801.177-192.
5. Елизарова Е.И. Подготовка студентов юридических направлений в современных условиях / Е.И. Елизарова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 6-1 (45). – С. 98-101.
6. Зикеев В. Цифровизация юридической профессии, или Юриспруденция эпохи миллениалов / В. Зикеев. – URL: https://zakon.ru/blog/2018/08/02/cifrovizaciya_yuridicheskoy_professii_ili_yurisprudenciya_epohi_millennialov (дата обращения: 17.02.2023).
7. Кремлёва О.К. Трансформация юридического образования в условиях цифровой экономики / О.К. Кремлёва // Архитектура университетского образования: построение единого пространства знаний. Сборник трудов IV Национальной научно-методической конференции с международным участием. Под редакцией И.А. Максимцева, В.Г. Шубаевой, Л.А. Миэринь. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 130-133.
8. Подмаркова И.П. Подготовка менеджеров в сфере юридических услуг как перспективное направление повышения качества управления / И.П. Подмаркова // Актуальные проблемы государственного и муниципального управления: теоретико-методологические и прикладные аспекты: Материалы Международного круглого стола (Донецк, 18 мая 2021 г.) / под общей редакцией д-ра физ.-мат. наук, проф. С.В. Беспаловой. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2021. – С. 124-126.
9. Потемкин В.К. Новая экономика и учебно-методические основания её развития // Архитектура университетского образования: современные университеты в условиях единого информационного пространства. Сборник трудов III Национальной научно-методической конференции с международным участием. Часть I / Под ред. проф. И.А. Максимцева, проф.

- В.Г. Шубаевой, проф. Л.А. Миэринь. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2019. – С. 25-26.
10. Сайт Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/edu/206297682.html> (дата обращения: 17.02.2023).
 11. Смотровая И.В. Проблемные аспекты юридической профессии в условиях развития цифровой экономики / И.В. Смотровая // Академия права и экономики. – 2018. – № 3 (7). – С. 26-29.
 12. Терениченко А.А. Роботы-юристы: проблемы внедрения искусственного интеллекта в области юриспруденции / А.А. Терениченко, Е.Д. Шульга // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 2 (206). – С. 56-58.
 13. Тыртышный А.А. Цифровизация юридической профессии как тренд профессионализации современных юристов / А.А. Тыртышный // Человеческий капитал в формате цифровой экономики. Международная научная конференция, посвященная 90-летию С.П. Капицы: сборник докладов. – Москва, 2018. – С. 364-371.
 14. Шульга В.В. Ценности будущих юристов / В.В. Шульга // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – Донецк : ДЮА, 2017. – № 3. – С. 193-199.
 15. Юрист в цифровой экономике: магистерская программа : учебное пособие / О.А. Серова, А.А. Серебрякова, О.В. Попова, О.В. Белая. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, – 2019. – 126 с.
 16. Judicial Processor: The Government is discussing the use of artificial intelligence in the legal sphere. Kommersant. – 2017, November 13. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3466185/> (accessed: 17.02.2023).

УДК 340.5:341.43

П.В. Руденко, аспирант, Донецкий национальный университет (г. Донецк)

(e-mail: rudenko_pv@gmail.com)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА БЕЖЕНЦЕВ И ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается вопрос особенностей правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев, а также нормативного закрепления указанных понятий в источниках российского и международного права. Проведён сравнительный анализ института беженцев и иных категорий субъектов права в разрезе действующего законодательства в области закрепления правового статуса и предоставления правовых гарантий.

Ключевые слова: миграционные процессы, правовой статус вынужденных переселенцев, институт беженцев, основы правовой защиты мигрантов, государственная миграционная политика.

Rudenko, P.V.

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF REFUGEES AND FORCED SETTLEMENTS: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The article examines the issue of the peculiarities of the legal status of refugees and internally displaced persons, as well as the normative consolidation of these concepts in the sources of Russian and international law. Comparative analysis of the institute of refugees and other categories of subjects of law in the context of the current legislation in the field of securing the legal status and providing legal guarantees is carried out.

Key words: migration processes, the legal status of internally displaced persons, the institute of refugees, the basics of legal protection of migrants, state migration policy.

Актуальность темы исследования. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются первоочередной целью любого современного демократического государства. Основными институциональными механизмами в реализации политики в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина является согласованная деятельность всех органов государственной власти, на которые возлагается обязанность по содействию в реализации всех намеченных государственных планов в сфере прав и свобод. Так, важно подчеркнуть, что в социально-экономическом и демографическом развитии любой страны актуальной проблемой выступают миграционные процессы, которые представляют собой процесс перемещения населения из одних государств в другие с целью приобретения постоянного или временного места проживания [11].

Данное явление носит неоднозначный характер. В науке выработано такое понятие как вынужденная миграция, процесс которой необратим до тех пор, пока существуют предпосылки и факторы к её осуществлению. Такого же мнения придерживается и С.А. Авакьян: «Проблема беженцев существовала и будет существовать до тех пор, пока в мире не прекратится разрешение внутригосударственных и межгосударственных конфликтов с помощью силы». Экономические и политические процессы, происходящие на территории всего постсоветского пространства, привели к кардинальным изменениям в характере и структуре миграции [4].

Такие исследователи, как Э.А. Павельева, Р.Х. Пайтян среди предпосылок вынужденной миграции выделяют следующие: вооруженные конфликты, голод, экономическая нестабильность, политические преследования, стихийные бедствия и другие [12]. Термином «вынужденные мигранты» профессор А.Ю. Ястребова в своей работе обозначает лиц, которые выезжают с территории государства гражданства или обычного местожительства в другие страны по объективно не зависящим от них причинам,

при этом в её исследовании установлен перечень лиц, на которых распространяется данное явление, в число которых включены беженцы и вынужденные переселенцы [16].

Так, указанная категория по праву может считаться самой незащищенной в соответствии с ситуацией, которая повлияла на образование такого явления. В силу данных обстоятельств государством должны быть предприняты меры охранительной политики так называемого «института беженцев и вынужденных переселенцев» как основы обеспечения безопасности человека. В юридической науке правовое содержание понятия «беженец» определяется в соответствии с принципами и нормами национального и общего международного права. Таким образом, регулирование вопросов вынужденной миграции осуществляется с помощью международно-правовых и национально-правовых регуляторов. Так, по данному поводу, такие авторы, как А.А. Штокалова и Е.О. Гончаренко отмечают, что «...международное право оказывает весомое воздействие на национальное право через обязательства по осуществлению основных прав и свобод человека» [15, с. 235]. По справедливому высказыванию Куриной К.А., в каждом государстве принята система норм, которые регулируют правоотношения между человеком и государством в области перемещения последнего, в том числе, различного рода ситуации экстренного переселения, что ещё раз подчёркивает важность регулирования правоотношений, складывающихся в этой сфере [10, с. 212].

Анализ научных исследований. Вопросы правовой защиты беженцев и вынужденных переселенцев, в том числе и вопросы вынужденной миграции освещены в работах таких исследователей как Л.В. Андриченко, А.И. Абдуллин, П.Н. Бирюков, Е.В. Белоусова, Н.А. Воронина, С.А. Ганушкина, В.И. Евтушенко, Д.В. Иванов, Г.И. Литвинова, Н.А. Михалева, Е.Ю. Никитин, М.Д. Оздоев, В.И. Потапов, Т.М. Регент, А.Е. Юрицин, А.Ю. Ястребова, и др.

Целью научной статьи является обобщение накопленных в юридической литературе знаний по вопросам определения понятия и значения правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев.

Изложение основного материала. Для уяснения сущностных характеристик такого правового явления как институт беженцев, необходимо проанализировать правовые аспекты правового статуса беженцев в международных актах, практике государств по вопросам беженцев, а также национальное законодательство, регламентирующее вопросы защиты прав и свобод данной категории лиц. Так, в Российской Федерации, понятие «беженец» закреплено в федеральном законе от 19 февраля 1993 года «О беженцах» [13]. В соответствии с данным нормативным правовым актом, беженцем признается лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений может стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находится вне страны своей гражданской принадлежности и не

может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений, или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений.

Рассматривая законодательную трактовку понятия «беженец» на международном уровне, интерес представляет такой документ, как Женевская конвенция ООН о статусе беженца [9], принятая в 1951 году, однако стоит подчеркнуть, что её нормы направлены в первую очередь на те проблемы, которые сложились в послевоенной Европе. В Конвенции определен исчерпывающий перечень оснований, в соответствии с которым иностранному гражданину или лицу без гражданства в государстве-члене Конвенции может быть предоставлен статус беженца. Однако, по нашему мнению, со времени принятия Женевской конвенции, общество подвергалось немалым изменениям и реформированиям правоотношений в той или иной сфере, что презюмирует необходимость в обновлении и дополнении перечня оснований для предоставления статуса беженца, а также пересмотра иных положений указанного международного акта.

Рассматривая положение беженца, его объём прав и обязанностей в стране пребывания, стоит отметить, что *de facto* статус данных лиц почти ничем не отличается от статуса апатридов, т.е. лиц без гражданства.

Права и свободы человека и гражданина признаются высшей ценностью государства, соблюдение и коэффициент защиты которых является своеобразным индикатором национальной безопасности, демократизации страны, а также отображает уровень безопасности обеспечения личности. Данные права отражают идеалы гуманизма, справедливости, свободы, равноправия, существующие в обществе. Достойный уровень реализации прав человека играет решающую роль для развития современного общества, защиты настоящего и будущего человечества [5].

Каждый имеет право пользоваться правами человека, среди которых главное место занимают:

- право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность;
- свобода от пыток или другого жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания;
- свобода от рабства или подневольного состояния;
- признание правосубъектности лица;
- свобода мысли, совести и религии;
- свобода от произвольного ареста или задержания;
- свобода от произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь и от посягательства на жильё;
- свобода передвижения и тому подобное [2].

Данная группа прав и свобод имеет незыблемый характер, в связи с чем последствия их нарушения могут привести к принятию решения покинуть страну

проживания, в виду отсутствия должного уровня защиты реализации гарантированных прав.

Исключительность правового статуса беженцев состоит в том, что указанные лица, помимо основных прав человека, присущих как гражданам государства, иностранным гражданам, иным категориям субъектов, пользуются правами и льготами, присущими только им. Кроме того, в ситуациях возникновения вооруженных конфликтов права беженцев дополнительно защищаются нормами международного гуманитарного права.

Дифференцированность прав беженцев в отличие от обычных иностранцев состоит в том, что они не пользуются дипломатической защитой собственного государства и не связаны с ним какими-либо обязательствами, хотя и формально считаются его гражданами (подданными). Кроме того, государством разрабатываются различные концепции и программы, которые направлены на оказание материальной, финансовой и другой помощи беженцам.

Анализируя отличие правового статуса беженцев от правового статуса других категорий иностранцев, следует отметить такой критерий как отсутствие у беженцев защиты со стороны собственного государства, прямым следствием чего является отсутствие обязательств по нему. Фактически между беженцем и собственным государством сохраняется формальная связь, однако данные отношения гражданства не являются полноценными.

В рамках правового статуса беженцев особая роль принадлежит вопросу соблюдения или несоблюдения принципа запрета дискриминации, который по праву можно обозначить как главный отраслевой принцип международного права в области защиты прав человека. Так, в преамбуле Конвенции 1951 г. отдельно отмечается, что беженцы должны пользоваться основными правами и свободами без какой-либо в этом отношении дискриминации, что отражает общий подход к обеспечению защиты прав человека [9].

Основу правового регулирования в области вынужденной миграции в Российской Федерации также составляет Закон РФ «О вынужденных переселенцах». Исходя из положений закона, вынужденным переселенцем признается «гражданин Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка» [7].

Стоит также отметить, что «вынужденный переселенец» («forced resettler») – уникальная региональная международно-правовая категория – *sui generis*, которая характерна только для республик бывшего СССР, в настоящее время государств-участников СНГ [8].

Исходя из смысла ст. 1 вышеназванного Закона, вынужденным переселенцем также признается:

1) иностранный гражданин или лицо без гражданства, постоянно проживающие на законных основаниях на территории Российской Федерации и изменившие место жительства в пределах территории Российской Федерации по обстоятельствам, предусмотренным пунктом 1 статьи 1 Закона «О вынужденных переселенцах»;

2) гражданин бывшего СССР, постоянно проживавший на территории республики, входившей в состав СССР, получивший статус беженца в Российской Федерации и утративший этот статус в связи с приобретением гражданства Российской Федерации, при наличии обстоятельств, препятствовавших данному лицу в период действия статуса беженца в обустройстве на территории Российской Федерации [7].

Лицо утрачивает статус вынужденного переселенца в следующих случаях:

- при прекращении гражданства РФ;
- при выезде для постоянного проживания за пределы территории РФ;
- в связи с истечением срока предоставления статуса переселенца.

Органы миграционной службы лишают лицо статуса вынужденного переселенца в случае, если оно умышленно сообщило ложные сведения или предъявило заведомо фальшивые документы, послужившие основанием для признания его вынужденным переселенцем [6].

Ф.П. Васильев, довольно чётко в структуре правового статуса беженца и вынужденного переселенца выделяет следующие элементы: обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы, равенство прав и свобод человека и гражданина, гарантированность их, приоритет общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ, нормы, определяющие подданство той или иной страны и регулирующие национальные отношения относительно гражданства, основные права, свободы и обязанности, гарантии и ограничения прав и свобод [1, с. 47].

Стоит констатировать факт, что установленные правовые возможности и гарантии рассматриваемыми Законами, порядок оформления статуса беженца и вынужденного переселенца, их обязанности в основном аналогичны и имеют несущественные различия относительно друг друга. Однако, имеет место быть и мнение такого автора, как В.В. Дрягин, который, учитывая, что национальный режим действует в отношении лишь определенных прав и обязанностей иностранцев, указывает, что беженцы практически никогда не уравниваются в правах и обязанностях с вынужденными переселенцами [6].

Главным критерием разграничения правового статуса беженцев от правового статуса вынужденных переселенцев можно назвать «отношение к тому или иному гражданству». Так, беженец – это иностранный гражданин или лицо без гражданства, в свою очередь – вынужденный переселенец, исходя из

положений рассматриваемого Закона «О вынужденных переселенцах» – гражданин Российской Федерации.

Выводы. Таким образом, уровень социально-экономического развития государства прямо пропорционален уровню социальной защиты беженцев и вынужденных переселенцев, как составной части стратегического развития современной демократической политики. Как справедливо отмечает А.Н. Гридин, развитие современного общества на сегодняшний день характеризуется динамичным распространением идеи социального правового государства, которая все больше вызывает интерес в демократически развитых странах [3, с. 7]. Действующее законодательство определяет в пределах и формах, установленных Конституцией РФ и федеральными законами, основные принципы социальной политики государства по предоставлению правовой защиты данной категории лиц, при этом комплексно регулирует предоставленные возможности и правоотношения, складывающиеся в данной сфере.

Правовой статус вынужденных мигрантов определяется как совокупность прав, свобод, обязанностей и гарантий, общих и специальных принципов и стандартов обращения, которые международное сообщество предусматривает для приема и пребывания таких лиц на территории принимающих государств [16].

Исходя из проведённого анализа, считается целесообразным выделение беженцев в отдельную категорию лиц со своим особым правовым статусом, поскольку, юридически сохраняя взаимосвязь со своим государством, которое они покинули, беженцы не пользуются статусом граждан за ее пределами. Оказание им материальной помощи со стороны государства свидетельствует об отличии беженцев от иностранных граждан, поскольку у государства нет обязанности материально содержать иностранцев, проживающих на ее территории.

Вместе с тем существует необходимость постоянного мониторинга государства за надлежащим уровнем соблюдения прав человека для предотвращения возникновения потоков беженцев. Это включает в себя и постоянное обновление законодательных актов в области защиты прав человека, с учётом появления различного рода угроз нарушения гарантированных прав и специфики постоянно изменяющихся правоотношений в условиях трансформации современного общества.

Можно с уверенностью сказать, что Российская Федерация предпринимает все возможные меры для защиты и оказания помощи данным категориям лиц, выделяя немалые средства для осуществления соответствующих программ и концепций организации материальной поддержки. Мировое сообщество также принимает активное участие в обеспечении практической реализации программ, направленных на предоставление помощи и защиты лицам, которые в силу определенных обстоятельств были вынуждены покинуть свою страну гражданства, что ещё раз подчёркивает важность темы

исследования и определяет всю ценность должной реализации правовых предписаний в области закрепления правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев.

Список использованных источников

1. Васильев Ф.П. Современная правовая политика определения правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев и её необходимость совершенствования в России / Ф. П. Васильев // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 60-5. – С. 44-48.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 29.11.2022). – Загл. с экрана.
3. Гридин А.Н. Социализация современного демократического государства / А. Н. Гридин // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2022. – № 20. – С. 7-14.
4. Гуцин А.К. Современные тенденции протекания миграционных процессов в Белгородской области / А.К. Гуцин // Вестник ТГУ. – 2010. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-prottekaniya-migratsionnyh-protsessov-v-belgorodskoy-oblasti> (дата обращения: 29.11.2022). – Загл. с экрана.
5. Драганчук А.С. Права человека / А.С. Драганчук, Г.Ж. Бальтанова // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2018. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-1> (дата обращения: 29.11.2022). – Загл. с экрана.
6. Дрягин В.В. Правовой статус беженцев и вынужденных переселенцев / В.В. Дрягин // Эпоха науки. – 2015. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-bezhentsev-i-vynuzhdennyh-pereselentsev> (дата обращения: 01.12.2022). – Загл. с экрана.
7. Закон РФ «О вынужденных переселенцах» от 19.02.1993 № 4530-1 (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4339/ (дата обращения: 29.11.2022). – Загл. с экрана.
8. Иванов Д.В. Международно-правовая концепция – вынужденный переселенец: прошлое, настоящее и будущее / Д.В. Иванов, Д.М. Алиев // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. Материалы Третьей международной научно-практической конференции в рамках Общественно-научного форума «Здравствуй, Россия!», Москва, 14-15 октября 2020 года / Отв. редактор В.И. Герасимов. Том Выпуск 3. Часть 2. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovaya-kontsepsiya-vynuzhdennyu-pereselenets-proshloe-nastoyaschee-i-budushee> (дата обращения: 01.12.2022). – Загл. с экрана.
9. Конвенция о статусе беженцев (Женева, 28 июля 1951 г.) / СПС «ГАРАНТ». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540374/> (дата обращения: 29.11.2022). – Загл. с экрана.
 10. Курина К.А. Историко-правовые аспекты становления и развития законодательства о правовом положении беженцев и вынужденных переселенцев / К.А. Курина // Молодой ученый. – 2018. – № 25 (211). – С. 212-214.
 11. Логунова Ю.А. Социально-экономические последствия международной миграции населения / Ю.А. Логунова // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2018. – № 10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-posledstviya-mezhdunarodnoy-migratsii-naseleniya> (дата обращения: 01.12.2022). – Загл. с экрана.
 12. Павельева Э.А. Недостатки универсальных механизмов правовой защиты беженцев в свете современных вызовов / Э.А. Павельева, Р.Х. Пайтян // Сибирский юридический вестник. – 2018. – №3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedostatki-universalnyh-mehanizmov-pravovoy-zaschity-bezhentsev-v-svete-sovremennyh-vyzovov> (дата обращения: 29.11.2022). – Загл. с экрана.
 13. Федеральный закон «О беженцах» от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/ (дата обращения: 29.11.2022). – Загл. с экрана.
 14. Школяренко Е.А. Соотношение понятий «Беженец» в российском и международном праве / Е.А. Школяренко // Вестник КемГУ. – 2010. – №1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-bezhenets-v-rossiyskom-i-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения: 29.11.2022). – Загл. с экрана.
 15. Штокалова А.А. К вопросу о взаимодействии международного и национального права / А.А. Штокалова, Е.О. Гончаренко // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2021. – № 17. – С. 233-242.
 16. Ястребова А.Ю. Защита вынужденных мигрантов в условиях вооруженных конфликтов: международно-правовые аспекты / А. Ю. Ястребова // ИМЭМО РАН. – 2019. – № 1 (56). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-vynuzhdennyh-migrantov-v-usloviyah-vooruzhennyh-konfliktov-mezhdunarodno-pravovye-aspekty> (дата обращения: 30.11.2022). – Загл. с экрана.

УДК 340.132.6

**Ю.А. Сенин, соискатель степени кандидата юридических наук,
Донбасская юридическая академия (г. Донецк)**

(e-mail: fromm1985@mail.ru)

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПРАВА В МЕХАНИЗМЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОБЕЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье рассматривается вопрос о значении и роли такой деятельности, как толкование норм права, выступающей в качестве действенного механизма устранения дефектов и преодоления пробелов в современном законодательстве. Выявлены основные сущностные характеристики «толкования», а также «толкования-уяснения» и «толкования-разъяснения», как неотъемлемых сторон указанной категории.

Ключевые слова: толкование норм права, правотворчество, правореализация, дефекты в праве, пробелы в праве.

Senin, Yu.A.

ON THE QUESTION OF THE MEANING OF THE INTERPRETATION OF THE NORMS OF LAW IN THE MECHANISM OF OVERCOMING GAPS IN MODERN LEGISLATION

The article discusses the importance and role of such activities as the interpretation of legal norms, acting as an effective mechanism for eliminating defects and overcoming gaps in modern legislation. The main essential characteristics of «interpretation» as well as «interpretation-clarification» and «interpretation-clarification» as integral parts of this category are revealed.

Key words: interpretation of the norms of law, lawmaking, legal realization, defects in law, gaps in law.

Актуальность темы исследования. Реформирование основных сфер жизнедеятельности общества в условиях становления государственности, несомненно, сопровождается принятием ряда новых законодательных актов для создания эффективной законодательной базы государства, с помощью которой будет осуществляться нормативная регламентация и упорядоченность соответствующих общественных отношений. Исходя из этого, правовое регулирование приобретает особую значимость для реализации важнейших функций государства: осуществление должной защиты и охраны гарантированных прав и законных интересов граждан и иных лиц, а также поддержание стабильного правопорядка во всех сферах деятельности государства.

Так, создание необходимых условий для прогрессивного развития и процветания современного общества находится в прямой зависимости от уровня развития процесса правотворчества в стране. По справедливому утверждению М.С. Кайырбека, являясь начальным этапом процесса правового регулирования, правотворчество оказывает влияние на результативность данного процесса [5, с. 39]. Современное общество, представляя собой динамичную

структуру, подвергается влиянию различных факторов извне, которые создают основу для появления новых правоотношений и, соответственно, появления новых или дополнения уже существующих в действующем законодательстве правовых норм, способных регулировать их. Однако не всегда данные нормы являются однозначными по своему характеру, что исключает возможность уяснения их действительной сути и содержания. Исходя из этого, важным процессом для дальнейшего уяснения подлинного смысла, который заложил законодатель в ту или иную норму, выступает её толкование.

С.Г. Гурак, подчёркивает, что толкование как специфическая юридическая деятельность имеет важное значение для правового регулирования, является необходимым условием существования и развития права [4, с. 207]. В процессе регулирования общественных отношений важным аспектом является достижение взаимопонимания между законодателем и субъектом права, которое в конечном итоге будет соответствовать той цели применения нормы, ради которой она была установлена [9, с. 2].

Особую актуальность толкование норм права приобретает в процессе государственного строительства, а именно – в условиях становления эффективной единой системы публичной власти, а также проектирования оптимальной системы социально-экономического развития государства и общества, когда право наиболее подвержено изменениям, внешним влияниям и заимствованию правовых положений иных правовых систем и т.д.

Анализ научных исследований. Вопросу сущности юридического толкования норм права и его роли в процессе преодоления пробелов и неопределенности в законодательстве посвящено огромное количество трудов. Проблемы толкования норм права исследовались такими учеными, как С.С. Алексеев, С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров, А.Н. Верещагин, Н.А. Власенко, Н.Н. Вопленко, Т.В. Кашанин, Д.А. Киримов, А.В. Малько, Н.Н. Матузов, Н.С. Нерсесянц, С.П. Погребняк, Д.А. Туманов, А.Ф. Черданцев, С.П. Чередниченко, С.В. Шевчук Л.С. Явич и др.

Целью научной статьи выступает комплексный анализ сущностной характеристики толкования норм права, а также определение роли данной деятельности в механизме преодоления пробелов и устранения несовершенств законодательной техники в современном законодательстве.

Изложение основного материала. Для определения содержания такого элемента правореализационного процесса, как толкование норм права, необходимо обратиться к лингвистическому и эпистемологическому значению данного юридического термина. В отечественной доктрине нет единства мнений относительно определения сущности данного института. Проанализировав труды отечественных учёных в области права, следует обобщить позиции авторов, выделив два подхода к трактовке данного явления.

Представители первого подхода акцентируют своё внимания на такой стороне процесса толкования, как уяснение правовых норм. Так, русский юрист Г.Ф. Шершеневич толкование правовых норм рассматривал как официальный

вид деятельности специально уполномоченных органов и должностных лиц государства, имеющий утилитарный, прикладной, правоприменительный характер [22].

Е.Н. Трубецкой под толкованием понимал уяснение (установление) точного смысла той нормы, которую требуется применить [18, с. 136]. Профессор А.С. Шабуров представлял толкование права, как «...интеллектуально-волевою деятельность по установлению подлинного содержания правовых актов в целях их реализации и совершенствования» [8, с. 370]. Специалист в области права В.М. Сырых интерпретировал данную категорию следующим образом: «Толкование – это познавательная деятельность, осуществляемая с целью установления содержания нормы права, изложенной в тексте нормативно-правового акта» [16, с. 224].

Представители же второго подхода рассматривают толкование как уяснение и разъяснение правовых норм, выступающие двумя взаимосвязанными сторонами единого процесса.

Так, по мнению Л.Е. Поповой, «...толкование правовых норм есть уяснение и разъяснение государственной воли, выраженной в законах и других нормативных правовых актах в целях правильного и единообразного понимания содержащихся в них правовых норм и точного применения их в каждом конкретном случае» [15, с. 15].

Советский и российский учёный-правовед В.С. Нерсисянц понимал данный процесс следующим образом: «Толкование нормы права – это уяснение и разъяснение ее подлинного содержания, подлежащего реализации в данных конкретных условиях её действия» [14, с. 495]. А.Ф. Черданцев под толкованием права, или закона, определял следующее: «...с одной стороны определённый мыслительный (познавательный) процесс, направленный на объяснение знаковой системы, а с другой – результат этого процесса, выраженный в совокупности высказываний естественного языка, придающих указанной системе определённое значение (смысл)» [21, с. 5]. В свою очередь, А.В. Осипов отмечал, что «Толкование права – это сложная и многогранная деятельность различных субъектов, представляющая собой интеллектуальный процесс, направленный на познание и разъяснение смысла правовых норм» [20, с. 423]. Исходя из позиции А.С. Пиголкина, толкование норм права – это вид правовой деятельности, который имеет целью установление смысла нормативных предписаний, который в основном протекает в сознании человека в виде различных внутренних интеллектуально-волевых операций (уяснение требований норм), которые находят выражение вовне (разъяснение) в виде интерпретационного акта, юридического совета [17, с. 192].

Таким образом, содержание толкования правовой нормы как правовой категории состоит в том, что толкование выступает не просто мыслительным процессом или актом познания, а умственным процессом, который протекает во времени.

Второй подход к пониманию такой категории как «толкование» является наиболее приемлемым, на наш взгляд, в связи с тем, что толкование права представляет собой сложный процесс, и поэтому должно рассматриваться как комплексное явление и раскрываться всецело со стороны как разъяснения, так и уяснения норм права.

Исходя из интерпретаций, представленных в научной доктрине, толкование – это объективированный результат уяснительной и разъяснительной форм данной правового института. Эти формы взаимообусловлены и взаимосвязаны между собой, однако имеют существенные различия, начиная с внешнего выражения и заканчивая критерием обязательности. Так, толкование-разъяснение носит общеобязательный характер и влечёт за собой государственное принуждение со стороны соответствующих органов государственной власти. И.Э. Марудина указывает на то, что толкование могут давать только уполномоченные на то лица, имеющие бесспорный авторитет в государстве, что является верным, по нашему мнению. В свою очередь, толкование-уяснение не имеет внешних форм выражения, так как является внутренним мыслительным процессом [11, с. 255]. Если толкование-разъяснение носит неперсонифицированный характер, то толкование-уяснение является экстравертивным, то есть уяснение протекает в сознании самого субъекта толкования. Данная процедура, как разъясняет И.Э. Марудина, не обладает юридической основой и не является общеобязательным критерием соблюдения всеми гражданами, не влечёт за собой правовых последствий, в том числе и наказаний для граждан [11, с. 255-256].

В настоящее время в процессе законодательной работы любого государства существуют определенные расхождения и недочёты, которые позволяют прибегать к неоднозначному уяснению той или иной нормы, что в свою очередь порождает пробелы в праве. По справедливому утверждению российского правоведа Н.И. Матузова, абсолютно совершенного, идеального законодательства нигде в мире нет. Право каждой страны неизбежно содержит в себе определенные коллизии, пробелы и противоречия» [12, с. 208]. Результатом таких «несовершенств» может служить ряд причин, среди которых – неясность, конфликтность правовых норм, недостаточная четкость формулировок юридических конструкций, наличие формально-логических дефектов или же низкий уровень правовой культуры лиц, являющихся субъектами реализации и т.д. Однако данный факт требует незамедлительного решения со стороны законодателя, во избежание снижения эффективности правового регулирования, а также двойственной интерпретационной деятельности содержания правовых норм как на уровне индивидуального, так и общественного сознания в целом. По данному поводу С.З. Гурак, разделяя позицию такого автора, как А.Г. Заец, справедливо констатирует, что решение вопроса о необходимости обновления законодательства, восполнения пробелов путем правотворчества обязательно сопровождается толкованием, что обусловлено необходимостью глубоких

знаний постоянно обновляющегося содержания законодательства, а также его преимуществ и недостатков [4, с. 209].

Дефекты и пробелы в праве обрекают государство на снижение уровня качества правотворческой деятельности, что, в свою очередь, ведёт к деструктивности механизма регулирования общественных отношений, нарушая при этом баланс нормального функционирования всего государства в целом. Так, Е.В. Коновальченко в узком смысле рассматривает дефекты в качестве пробелов, противоречий правовых норм, нарушений требований юридической техники при составлении текстов нормативных правовых актов, нерационального расположения норм в системе права, излишнего дублирования правил поведения в актах различной юридической силы [7, с. 336].

Восполнение пробелов в праве возможно достичь в результате применения таких методов, как аналогия закона и аналогия права, которые, по мнению многих учёных, являются составной частью толкования норм права. Как пишут Н.И. Матузов и А.В. Малько: «Аналогия закона применяется, когда отсутствует норма права, регулирующая рассматриваемый конкретный жизненный случай, но в законодательстве имеется другая норма, регулирующая сходные с ним отношения» [13, с. 464]. По-справедливому замечанию Е.В. Васьковского, восполнять пробелы с помощью наличного материала законодательства, т.е. извлекая из существующих норм другие, явно не выраженные, но логически вытекающие из них – наиболее правильный и целесообразный способ [1, с. 208]. В свою очередь, аналогия права применяется на основании общих начал и принципов права, когда в законодательстве отсутствует норма права, способная к регулированию подобных правоотношений.

Исходя из этого, аналогию, как способ восполнения пробелов в праве, можно считать составной частью толкования норм права, в связи с тем, что толкование представляет собой особый процесс, посредством которого устраняются возможные противоречия смысла нормы или между нормами, не только с помощью чистого интерпретирования законодательного текста, но и посредством обращения к содержанию других норм, которые находятся в особом смысловом сплетении. Аналогичной позиции придерживается и Н.Н. Вопленко, который считает, что «аналогия означает преодоление пробела правового регулирования с помощью применения пограничных правовых норм, регулирующих сходные общественные отношения, или общего смысла и духа закона. Последнее возможно только при использовании приемов и средств теории толкования» [2, с. 23].

Таким образом, аналогия права и аналогия закона способны восполнять пробелы в тех отраслях, где таковые имеются, за исключением административного и уголовного права, в законодательных актах которых чётко предусмотрена недопустимость применения закона по аналогии. В этих отраслях права, как справедливо отмечает Попова Л.Е., когда речь идёт непосредственно о свободе личности, решение дел в порядке аналогии недопустимо, так как

создаёт возможность разнобоя взглядов и личного усмотрения правоприменительных органов и должностных лиц, что является недопустимым [15, с. 18].

Исходя из применения аналогии, как способа восполнения права, норма заимствуется и фактически трансформируется соответствующим правоприменительным органом в тот правовой институт, в котором существует пробел. Из этого следует, что в конкретной ситуации такая норма должна истолковываться не как часть института, из которого она заимствована, а как составляющая того, пробел в котором она призвана преодолеть [19, с. 107-108].

Выводы. Исходя из проведенного анализа, следует ещё раз подчеркнуть важность осуществления толкования норм права как необходимого структурного элемента механизма правового регулирования. Чаще всего текст правовой нормы нельзя воспринимать буквально и однозначно. Любое слово, содержащееся в правовой норме, может содержать в себе скрытый смысл или интерпретироваться более расширительно, нежели кажется на первый взгляд, что вызывает необходимость в выяснении всей содержащейся в норме закодированной информации посредством её толкования.

Так, толкование правовых норм представляется не только в качестве извлечения из правового текста воли законодателя, но и выступает целой интеллектуально-познавательной деятельностью, как справедливо подмечает А.Г. Манукян, которая нацелена «... на выявление динамического объективного смысла заключённого в норме правового явления, определяемого современными потребностями общественного развития». Потребность в толковании обусловлена рядом как объективных, так и субъективных причин, которые не всегда вызваны лишь неясностью или двусмысленностью правовых норм, но и вытекают из самого существа правореализации [10, с. 12].

Одним из достаточно часто встречающихся недостатков современного законодательства является его логическая противоречивость и внутренняя несогласованность, которая может быть обусловлена как умышленным искажением текста и сущности законодательства, так и в силу отсутствия достаточного профессионализма со стороны субъекта правореализации. В связи с этим возникает необходимость в преодолении указанных недостатков посредством использования различных видов, приёмов, способов и методов толкования, а также формулировании предложений по усовершенствованию законодательства.

Вместе с тем, анализ проведённого исследования свидетельствует о ряде несовершенств, существующих в настоящее время в правотворческой практике, устранение которых способно улучшить результативность деятельности государства по обеспечению единообразия и полному уяснению норм без последующего толкования. Так, во-первых, в процессе разработки тех или иных нормативных актов, законодателю следует уделять особое внимание юридической технике, в том числе избегать использования таких конструкций языка нормативного правового акта, которые вызывают трудности в полном

уяснении его смысла, минимизировать содержание заимствованных иноязычных терминов, а также отсылок к другим правовым нормам или актам, которые требуют дополнительного толкования. Законодателю необходимо корректно выражать свои мысли, чтобы не возникало двусмысленного понимания закона и вопросов, связанных с его излишней абстрактностью и отсутствием логичных взаимосвязей между частями и нормами в тексте [9, с. 5].

Во-вторых, для успешной реализации деятельности, связанной с толкованием правовых норм, субъекту правотворческой деятельности необходимо пополнять свой умственный багаж, развивать умения по систематизации, анализу и интерпретации норм для успешного и качественного выполнения своей работы.

Исходя из этого, толкование права должно осуществляться на должном уровне не только во время применения уже существующей нормы, но и в процессе создания этой нормы, т.к. толкование права обеспечивает (должно обеспечивать) единообразие терминологии, правила формулирования, взаимосвязанность рассмотрения правовых норм в их единстве, что повышает уровень эффективности принимаемых законов [3, с. 47]. Так, по данному поводу Д.А. Керимов писал следующее: «Нарушение логики закона, неточности его формулировок, неопределенность используемых терминов порождают многочисленные вопросы. Влекут дополнения, толкования и разъяснения, вызывают произвольную трату времени, сил и энергии и вместе тем являются питательной почвой для бюрократической волокиты, позволяют извращать смысл закона и неправильно его применять» [6, с. 89].

В-третьих, для эффективной реализации такой формы толкования правовых норм как разъяснение, одним из вариантов улучшения может стать принятие соответствующего документа, направленного на упорядочение практики дачи разъяснений и закрепляющего в своих положениях ряд основополагающих правил, которыми следовало бы руководствоваться при осуществлении данной деятельности.

Таким образом, комплекс указанных мер будет выступать эффективным механизмом в преодолении объективных и субъективных дефектов правотворческой деятельности, что, в свою очередь, окажет положительный результат в повышении уровня общественного сознания и правовой образованности, а также будет свидетельствовать о наличии положительной динамики и коррекции всей деятельности государства в сфере правоинтерпретационной деятельности как средства повышения качества правоприменения в целом.

Список использованных источников

1. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов / Е.В. Васьковский. – Москва : Бр. Башмаковы, 1913. – 158 с.
2. Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права [Текст] / Н.Н. Вопленко. – Москва : – Юрид. лит., 1976. – 118 с.

3. Голубева Л.А. Толкование права в законотворческом процессе / Л.А. Голубева // Журнал правовых и экономических исследований. – 2013. – № 2. – С. 44-47.
4. Гурак С.З. Роль толкования правовых норм в механизме правового регулирования и обеспечения законности / С.З. Гурак // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 1. – С. 207-218.
5. Кайырбек М.С. Социальные аспекты правотворчества / М.С. Кайырбек // Colloquium-Journal. – 2019. – № 19-7(43). – С. 38-41.
6. Керимов Д.А. Культура и техника законодательства / Д.А. Керимов. – Москва : Юрид.лит., 1991. – 158 с.
7. Коновальченко Е.В. Толкование норм права как одна из составляющих надзора за соблюдением законности / Е.В. Коновальченко // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2009. – № 2. – С. 336-342.
8. Корельский В.М. Теория государства и права: Учебник / В.М. Корельский, В.Д. Корельский, – Москва : Издательская группа ИНФРА М-Норма, 1997. – 570 с.
9. Любушкин В.А. Толкование норм права: теоретико-правовые аспекты / В. А. Любушкин, Б. Аннаев // Контентус. – 2018. – № 3(68). – С. 1-6.
10. Манукян А.Г. Толкование норм права (Виды, система, пределы действия): специальность 12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Манукян Артем Генрихович. – Санкт-Петербург, 2006. – 177 с.
11. Марудина И.Э. Понятие и необходимость толкования норм права / И.Э. Марудина // Modern Science. – 2019. – № 5-1. – С. 255-258.
12. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права / Н. И. Матузов. – Саратов: Изд-во СГАП, 2004. – 510 с.
13. Матузов Н.И. Теория государства и права : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция» / Н.И. Матузов, А.В. Малько; – Саратовский филиал ин-та государства и права Российской акад. наук. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2007. – 540 с.
14. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства : Учеб. для вузов : Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.С. Нерсесянц; – Ин-т государства и права Рос. акад. наук, Акад. правовой ин-т. – Москва : Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 539 с.
15. Попова Л.Е. Толкование норм права и восполнение их пробелов / Л.Е. Попова // Закон и жизнь. – 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 13-19.
16. Сырых В.М. Теория государства и права [Текст] : учебник / В. М. Сырых; отв. ред. – д-р юрид. наук, проф., С.А. Чибиряев. – Москва : Былина, 1998. – 512 с.

17. Теория государства и права : учебник / [Пиголкин А. С. и др.] ; под ред. А.С. Пиголкина. – Москва : Юрайт, 2005. – 613 с.
18. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой. – СПб. : Юрид. ин-т, 1998. – 183 с.
19. Туманов Д.А. Пробелы в гражданском процессуальном праве: специальность 12.00.15 Гражданский процесс; арбитражный процесс : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дмитрий Александрович Туманов. – Москва, 2007. – 184 с.
20. Фомченко И.С. Понятия толкование нормы права / И. С. Фомченко // Трибуна ученого. – 2021. – № 1. – С. 421-427.
21. Черданцев А.Ф. Толкование советского права [Текст] / А.Ф. Черданцев. – Москва : Юрид. лит., 1979. – 166 с.
22. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Тома III-IV. – Москва, издание Бр. Башмаковых, 1910 г. // СПС «ГАРАНТ». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/3973991/> (дата обращения 21.12.2022).

УДК 343.3/7 : 658.71:342.9

**Ю.В. Церковникова, соискатель, Донбасская юридическая академия
(г. Донецк)**

(e-mail: yutserkovnikova@yandex.com)

УГОЛОВНАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД: ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

В статье рассматривается контрактная система в сфере государственных закупок как междисциплинарный институт. Проводится анализ положений действующего административного и уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за нарушения в сфере государственных закупок, приводится статистика нарушений. Акцентируется внимание на критериях разграничения данных видов ответственности, среди которых указываются общественная опасность деяния (или отсутствие таковой), возможность наступления общественно опасных последствий в виде материального ущерба и ущерба интересам субъектов госзакупок, а также особенности субъективной стороны деяния, в частности, мотив – личная корыстная заинтересованность. Анализируются наказания в виде штрафов в уголовном и административном законодательстве.

Ключевые слова: государственные закупки, законодательство о контрактной системе, контрактная система, уголовная ответственность, административная ответственность.

Tserkovnikova, Yu.V.

CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR VIOLATION OF THE LEGISLATION ON THE CONTRACT SYSTEM IN THE FIELD OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS, SERVICES FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS: QUESTIONS OF DIFFERENTIATION

The article considers the contract system in the field of public procurement as an interdisciplinary institution. The analysis of the provisions of the current administrative and criminal legislation providing for liability for violations in the field of public procurement is carried out, statistics of violations are provided. Attention is focused on the criteria for distinguishing these types of liability, among which are the public danger of the act (or lack thereof), the possibility of socially dangerous consequences in the form of material damage and damage to the interests of public procurement entities, as well as the features of the subjective side of the act, in particular motive, personal interest. Penalties in the form of fines in criminal and administrative legislation are analyzed.

Key words: *public procurement, legislation on the contract system, contract system, criminal liability, administrative liability.*

Актуальность темы исследования. Контрактная система в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее – госзакупки) представляет собой базовый институт закупочного механизма государства, основной стратегической целью которой является обеспечение выполнения его функций при строгом и экономном расходовании бюджетных средств, опираясь на принципы результативности, целесообразности и эффективности.

Процесс госзакупок является достаточно ресурсоемким, с привлечением значительных финансовых государственных средств. Так, в 2021 году было проведено 2,1 млн процедур (плюс 5% к 2020 году) на сумму 9,4 трлн рублей, что на 11% превосходит показатель 2020 года. Объем закупок крупнейших компаний с госучастием по Федеральному закону №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – 223 ФЗ) по итогам 2021 года составил 9,3 трлн рублей, показав рост на 15% к показателю годом ранее [11].

Данные за более ранние периоды также свидетельствуют о негативных тенденциях: выявлено противоправных деяний в 2015 г. – 56 905; в 2016 г. – 76 787; в 2017 г. – 90 708; в 2018 г. – 90 910; в 2019 г. – 91 886. Административных правонарушений выявлено в 2017 г. – 20 125; в 2018 г. – 25 357; в 2019 г. – 24 199 [4, с.7].

Данные аналитического отчёта по результатам осуществления мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Законом № 44-ФЗ в I квартале 2021 г. свидетельствуют о том, что Федеральной Антимонопольной службой России возбуждено 5,7 тыс. дел об административных правонарушениях за нарушение законодательства, что меньше на 5 % по отношению к I кварталу 2020 г. При

этом, по итогам I квартала 2021 г. ФАС России в реестр недобросовестных поставщиков включены сведения о 3,9 тыс. недобросовестных поставщиков (подрядчиках, исполнителях), что больше на 15 % по отношению к I кварталу 2020 г. [5]

Такая ситуация с нарушениями усугубляется рядом факторов, прежде всего – спецификой контрактной системы госзакупок как междисциплинарного института, включающего в себя многообразие финансовых, гражданских, административных правоотношений, а также достаточной сложностью самого процесса проведения государственных закупок, требующего от его участников определенных специфичных знаний и умений, зачастую сложным механизмом реализации, отягощенным большим количеством нормативных предписаний, которые вносятся на всех уровнях государственно-властного воздействия, в частности, на уровне писем министерств и ведомств, порой противоречащих друг другу, внося путаницу даже среди добросовестных участников контрактной системы, потому, на наш взгляд, огромный нормативный правовой поток требует систематизации и унификации [9, с.137].

Все указанные аспекты требуют реакции государства на совершаемые нарушения, круг которых достаточно широк, и различные отрасли законодательства предусматривают ответственность, включая административную и уголовную.

При этом, в практической деятельности существует ряд проблем, связанных с разграничением составов преступлений и правонарушений. Не случайно Верховный Суд Российской Федерации в своем постановлении Пленума от 29 июня 2021 г. № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (Статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного Кодекса Российской Федерации)» в абзаце 2 п. 8 обращает внимание на необходимость отграничения общественно опасных противоправных деяний от административных правонарушений, однако конкретных разъяснений не дает.

Указанными выше проблемами и необходимостью их решения и обусловлена актуальность представленного исследования.

Анализ научных исследований. Изучению административной ответственности за нарушение законодательства в сфере госзакупок в той или иной мере посвятили свои труды Д.Г. Антонов, С.М. Зубарев, С.М. Зырянов, А.В. Кирин, К.В. Кузнецов, Б.М. Лазарев, Н.В. Нестерович, И. Смирнов и другие.

Вопросам уголовной ответственности в литературе уделено несколько больше внимания других исследователей, среди которых А.Д. Абрамкин, П.П. Кабытов, И.А. Любый, С.Ю. Сушков и другие.

Безусловно, работы перечисленных авторов внесли определенный вклад в развитие представлений об ответственности за нарушения в сфере госзакупок, однако чаще всего указанные вопросы исследуются фрагментарно, отсутствуют четкие и понятные для правоприменителя критерии разграничения

административной и уголовной ответственности, что, несомненно, требует дополнительного анализа и изучения.

Цель работы заключается в исследовании междисциплинарного института госзакупок на предмет установления разграничений при применении норм административного и уголовного законодательства, регламентирующих ответственность за нарушения в анализируемой сфере.

Изложение основного материала. В настоящее время базовым законом, регламентирующим проведение госзакупок в РФ, является федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – 44-ФЗ). Существует еще ряд законодательных и подзаконных актов, однако в рамках данной работы мы остановимся именно на указанном ФЗ, в силу предмета и принципов его правового регулирования.

Предписания данного законодательного акта распространяются на все стадии госзакупок, начиная от стадии планирования закупки и до стадии осуществления контроля.

В рамках данного исследования остановимся на административной и уголовной ответственности, рассмотрим современное состояние данного вопроса, обозначим проблемные аспекты и критерии разграничения указанных видов ответственности. В частности, указанное положение распространяется на всех участников контрактной системы.

Рассмотрим особенности привлечения к административной ответственности, которая, как известно, является видом юридической ответственности и состоит в назначении полномочным лицом административного наказания лицу, допустившему совершение правонарушения.

Исследователи отмечают, что «...среди установленных КоАП РФ более 60 составов административных правонарушений в сфере контрактной системы лишь седьмая часть относится к ответственности поставщиков (подрядчиков, исполнителей)» [3, 7].

Заметим, что лица, осуществляющие функции члена комиссии по осуществлению госзакупок, контрактные управляющие, работник контрактной службы, совершившие административные правонарушения, предусмотренные статьями 7.29-7.32, 7.32.5, частями 7, 7.1 статьи 19.5, статьей 19.7.2 КоАП РФ, несут административную ответственность как должностные лица [6].

В литературе предлагается правонарушения в сфере госзакупок разделить на группы, исходя из логики законодателя – в зависимости от стадии закупочного процесса. На наш взгляд, такое основание для классификации оправдано [8, с. 149-150].

Не может не обратить на себя внимание такое разнообразие административно-правовых норм, устанавливающих ответственность за правонарушения в сфере госзакупок, что говорит о расширении пределов государственного вмешательства, что не всегда может быть оправдано.

Так, например, действующая редакция КоАП РФ предусматривает ответственность за несоблюдение порядка приема результатов исполнения договора, однако до принятия нормы споры при приемке рассматривались как нарушение гражданско-правовых обязательств сторон договора, и разрешались с применением гражданско-правовых инструментов [2, с. 115].

Говоря об уголовной ответственности за нарушения в сфере госзакупок отметим, что действующий УК РФ не содержит самостоятельной главы, которая бы вмещала такие нарушения по признаку видового объекта, однако, если считать логику законодателя, который ввел относительно новые статьи (ст.ст. 200.4, 200.5, 200.6, 201.1, 285.4), предусматривающие шаг в данном направлении, то можно считать динамику положительной.

Изменения в УК РФ внесены Федеральным законом от 23.04.2018 г. № 99-ФЗ, установлена уголовная ответственность для определенного круга субъектов, среди которых выделены отдельно представители заказчика, руководствующиеся при закупках Законом № 44-ФЗ, а также для лиц, осуществляющих подкуп указанных лиц в связи с личной корыстной заинтересованностью [1].

Следует отметить, что вопросы разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в сфере госзакупок имеют важное не только теоретическое, но и практическое значение.

Традиционно в основе дифференциации преступлений и административных правонарушений лежит общественная опасность деяния, когда невысокая степень такой опасности (или ее отсутствие) означает общественно вредное деяние, оно же правонарушение. В сфере госзакупок данный критерий также является если не основополагающим, но важным, существенным недостатком которого является оценочный характер, зачастую отдаваемый на откуп правоприменителю. Если последний усмотрит в своей трактовке признаки именно общественной опасности, тогда речь пойдет об уголовной ответственности.

В связи с этим представляется целесообразным и логичным искать дополнительные критерии для разграничения, среди которых стоит обратить внимание на общественно опасные последствия в виде причиненного ущерба, вреда здоровью или жизни, иных обстоятельств, которые не свойственны правонарушениям, а также мотивационному аспекту противоправного деяния. Именно вышеуказанные критерии и являются основными для отграничения преступлений, предусмотренных ст. 200.4, 201.1 и 285.4 УК РФ, от административных правонарушений в сфере публичных закупок.

Так, например, характеристика мотива как корыстного или наличие личной заинтересованности практически всегда свидетельствует о совершении именно преступления, а не правонарушения в сфере госзакупок, что является важным критерием для разграничения.

Пленум Верховного суда РФ в своем постановлении от 29.06.2021 года № 21 в п. 8 отмечает, что отсутствие у лица, осуществляющего управленческие

функции в коммерческой или иной организации, при злоупотреблении полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа не стремилось извлечь выгоды и преимущества для себя или других лиц, и (или) при этом совершенное им деяние не повлекло причинение существенного вреда охраняемым законом интересам общества либо государства, то данные деяния не образуют состава преступления, предусмотренного статьей 201.1 УК РФ [12].

Также, с точки зрения субъективной стороны правонарушения зачастую совершаются в отсутствие умысла на нарушение норм и требований, характеризуются неумышленной формой вины.

При изучении норм об ответственности за нарушения в сфере закупок в административном и уголовном законодательстве обращают на себя внимание несколько непропорциональные санкции, которые устанавливаются за преступления и правонарушения.

Помня о том, что уголовно-правовые последствия являются самыми суровыми из всех видов юридического воздействия, заметим, к примеру, ситуацию, которая складывается при сравнении ст.7.32. «Нарушение порядка заключения, изменения контракта» КоАП РФ и ст. 200.4 «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» УК РФ.

Сразу оговоримся, что по действующему КоАП РФ среди субъектов выделяют также и юридические лица, при этом субъектом преступления может быть только конкретное физическое лицо, и в случае совершения противоправного деяния юридическим лицом к ответственности привлекается конкретное должностное лицо, служащий и т.п.

Согласно ч.3 ст.7.32 КоАП РФ за нарушение сроков заключения контракта или уклонение от его заключения на должностное лицо накладывается административный штраф в размере пятидесяти тысяч рублей, при этом форма вины при буквальном толковании диспозиции ч.3 характеризуется как умыслом, так и неосторожностью, однако санкция абсолютно-определенная, и в любом случае это конкретный вид и размер наказания.

Вместе с тем, за злоупотребления, совершенные из корыстной заинтересованности и причинившие крупный ущерб (союз «и» говорит нам о том, что для квалификации необходимо наличие и признака субъективной стороны, и наличие последствий), предусмотренные ч.1 ст.200.4 УК РФ, одним из видов наказаний является штраф, нижняя планка которого не указана, верхний предел составляет двести тысяч рублей, кроме чего наступление судимости после осуждения. Таким образом, за менее тяжкое деяние, точнее за правонарушение, наступает более строгое наказание, чем за уголовное преступление. Конечно же, такая ситуация требует законодательного пересмотра, согласования санкций между отраслями административного и уголовного законодательства.

Аналогичная ситуация – и по привлечению к административной ответственности должностных лиц, санкция нормы выше, чем штрафы в уголовном законодательстве.

Внешняя схожесть деяний, подпадающих под признаки уголовного преступления и административного правонарушения, когда отличия необходимо буквально искать путем сравнения элементов состава и признаков деяния, может вызвать вопрос о целесообразности существования двух видов ответственности.

Однако считаем, что именно такая строгость закладывается в основу уголовно-правовой превенции, и карательный аспект призван оказывать в том числе и сдерживающее воздействие на тех, кто потенциально способен преступить закон, поэтому, на наш взгляд, применение административно-правовых санкций не сможет выполнять указанные функции.

Поэтому перед правоприменителем стоит важная задача эффективной защиты сферы госзакупок путем рационального и обоснованного применения уголовно-правовой репрессии, при этом не допуская излишнего смягчения путем привлечения к административной ответственности.

И.А. Любым было проведено исследование путем опроса граждан, в ходе которого было установлено, что «...37,5% опрошенных считают, что именно предупреждение преступлений является наиболее эффективным способом снижения уровня коррупционных злоупотреблений в сфере государственных (муниципальных) закупок» [8, с. 152-153].

Поддержим вывод исследователя о том, что применение норм административного законодательства не должно подменять нормы уголовного, поскольку природа данных отраслей права изначально разная, хотя и нацелена в целом на единый результат снижения нарушений в сфере госзакупок. Однако такая подмена все же имеет место, о чем говорит проведенное нами исследование, когда санкции в административном законодательстве более строгие или равные по строгости уголовным, тем самым, на наш взгляд, размываются основы теоретико-правового построения иерархии в системе юридической ответственности.

Выводы. Подводя итог проведенного исследования, заметим, что административно-правовая и уголовно-правовая защита сферы государственных закупок призваны обеспечить безопасную среду для удовлетворения государственных нужд, формирование здоровой конкуренции между участниками рынка, недопущение злоупотреблений и экономное расходование бюджетных средств.

Вместе с тем, расширение государственного воздействия на указанную сферу может привести и к необоснованному переводу некоторых споров гражданско-правового характера в плоскость уголовно-правового и административно-правового вменения, и, соответственно, карательного воздействия в виде привлечения к уголовной и административной ответственности.

Разграничение указанных видов ответственности осуществляется из показателя степени общественной опасности (или общественной вредности) деяния, способа совершения, причиненного вреда и субъективной отношения виновного к деянию.

Смещение акцентов в пользу более широкого применения административно-правового воздействия оправдано в целях способствования развитию экономических и гражданско-правовых отношений при отсутствии общественной опасности деяния и недопустимо при причинении общественно опасного вреда, вместе с тем подмена уголовной ответственности административно-правовой недопустима.

Список литературы

1. Бриллиантов А.В. и др. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). – ООО «Прспект», 2021. – 952 с.
2. Волков В.Ю. Административная ответственность в сфере закупок для государственных нужд / В.Ю. Волков // Экономика, управление, право и общество. – 2022. – С. 115-117.
3. Горбунова А.В., Административная ответственность участников закупок за нарушения в сфере контрактной системы /А.В. Горбунова, А.О. Осипова // Актуальные вопросы антимонопольного регулирования и закупок. – Чита, 2022. – С. 20-27.
4. Кабытов П.П. Административно-правовое регулирование контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: автореф.дис. ... канд. юрид. наук / П.П. Кабытов. – Москва, 2021. – 26 с.
5. Кацуба Т.В. Юридическая ответственность за правонарушения в сфере государственных и муниципальных закупок / Т.В. Кацуба // Теория и практика эффективности государственного и муниципального управления. – 2022. – С. 196-202.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон: [от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2022).
7. Куликов С.А. Некоторые особенности применения административной ответственности в сфере закупок с 1 января 2022 года (Закон № 44-ФЗ) / С.А. Куликов, А.П. Павлов // Экономика, право, общество сегодня: оценки, проблемы, пути решения. – 2022. – С. 103-108.
8. Любый И.А. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2012. – 225 с.
9. Малыгина Е.А. Некоторые особенности в структуре финансовых правоотношений, возникающих в процессе реализации контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и

- муниципальных нужд / Е.А. Малыхина // Финансовое правоотношение: доктринальные и правоприменительные аспекты. – 2018. – С. 136-139.
10. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон: [от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14.
11. Объем закупок в России компаний с госучастием вырос на 15% в 2021 году. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/13569315?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 08.02.2023).
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388944/ – (дата обращения: 10.02.2023).

